

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ



ДОМ,
ГДЕ ВЗРЫВАЮТСЯ
СЕРДЦА



Я – вор в законе (Эксмо)

Сергей Зверев

Дом, где взрываются сердца

«Эксмо»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Дом, где взрываются сердца / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2018 — (Я – вор в законе (Эксмо))

ISBN 978-5-04-094474-3

Этому автору по силам любой жанр: жесткий боевик и военные приключения, захватывающий детектив и криминальная драма. Совокупный тираж его книг составляет более 6 миллионов экземпляров. Его имя – неизменный знак качества каждой новой книги. Журналист Валерий Валдаев известен громкими газетными публикациями на всякого рода «потусторонние» темы. При этом он, мягкий и безобидный человек, даже не подозревает, насколько опасна любая связь с миром Тьмы. Переворот в его сознании случается в тот момент, когда он приходит в себя рядом с трупом зверски убитой кем-то знакомой девушки и слышит, как в дверь ломится приехавшая по вызову опергруппа...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094474-3

© Зверев С. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая. Звонок с того света	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Зверев
Дом, где взрываются сердца

© Рясной И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть первая. Звонок с того света

– В нем не осталось ни кровинки, – сказал старший следователь Московской городской прокуратуры, нагибаясь над трупом.

– Ни кровинки, – кивнул оперативник Московского уголовного розыска майор Кучер. – Потрудились над ним плотно.

Место происшествия освещали фары двух милицейских автомобилей. Народу собралось немало – эксперты, медик, милицейское начальство, дежурный следователь из межрайонной прокуратуры. Труп лежал на краю оврага в скрюченной позе, будто пытаясь защититься от жестоких ударов.

Засверкали огни вспышек фотоаппаратов.

Майор присел на колено, взял труп за плечо. Тот с готовностью перевалился на спину, разбросав руки.

– Наш клиент, – со странным удовлетворением кивнул Кучер.

– Наш, – согласился старший следователь. – Их ни с кем не спутаешь.

Действительно, их «клиента» с кем-то спутать было трудно. У их «клиентов» неизвестный злодей (или злодеи – следствию то неизвестно) выдирали сердца. А потом сжегивал кровь, притом тщательно, будто она представляла какую-то ценность.

Грудь убитого была обезображена страшной вывернутой раной. Сердце выдрано. Как обычно...

– Четвертый по счету... Сколько он здесь лежит? – спросил майор Кучер судебного медика.

– Холода были, – пожал медик плечами. – Наверное, дней пятнадцать.

– Пятнадцать, – задумчиво протянул майор Кучер. – Все сходится...

– Не понимаю. Зачем все это? – с каким-то глухим надрывом произнес старший следователь, кивая в сторону трупа. – На выемку внутренних органов не похоже. Эксперты говорят, что сердца так не изымают. И кровь... Зачем?

– Кто проникнет в душу маньяка? – бросил Кучер.

– Если у них есть душа, – вздохнул старший следователь.

– Душа-то есть у всех. Вопрос – какая у них душа. Что в этой душе, – взгляд майора на миг затуманился.

– Чужая душа – потемки, – брякнул невпопад старший следователь и заработал угрюмый взор Кучера.

– Это у нас – потемки... А у них – тьма.

– Хоть бы какая зацепка. Прошлые убийства были сработаны безукоризненно – не за что нам ухватиться, – посетовал старший следователь. – Ну не за что!

– Преступник когда-нибудь да ошибается.

– Ну и что нам делать, пока он не ошибется? – раздраженно спросил старший следователь.

– Ждать. Нового трупа. У нас – больше двух недель.

– Да уж. Раз в два месяца – новый труп. Восемь месяцев – четыре трупа, – старший следователь показал четыре пальца. – Почему маньяк не делает никаких попыток скрыть тела?

– А ему хочется напомнить людям о себе, – произнес Кучер.

– Почему? – Старший следователь передернул плечами.

– Чтобы боялись. Чтобы любую ночную тень принимали за его тень. Любой ночной шорох принимали за его легкую поступь. Им нужен страх. Они питаются страхом так же, как мы ножками Буша...

* * *

Затарабанила автоматная очередь.

Почему автоматная? Просто кто-то быстро стучал серебряным ножом по расставленным в ряд хрустальным бокалам...

– Черт, – прошептал Валдаев и заворочался в постели. Наконец сообразил, кто он и где находится... Какие, к лешему, бокалы? Какой автомат? Это трезвонит у изголовья кровати радиотелефон «Сони». Хороший телефон. За двести баксов. Вот только звенит противно...

Телефон замолк.

Валдаев приоткрыл глаза. На стене зеленою мигали часы.

Нервно пульсировали секунды. Полтретьего. Ночи или дня?

Холера, ну конечно, ночи! Сейчас ночь – прочь сомнения. И в полтретьего ночи какая-то косорукая сволочь ошиблась номером. Или на телефонной станции замкнули реле с ячейками.

Валдаев натянул на голову одеяло и повернулся на другой бок...

Дзинь – телефон отчаянно заголосил снова...

Сердце на миг сжалось в груди, а потом заколотилось сильнее. Трубку брать не хотелось. Но к четвертому звонку Валдаев уже протянул руку к трубке.

Спросонья он вяло произнес:

– Алло.

Ответом послужило молчание.

– Алло, – повторил он, чувствуя, что сердце колотится сильнее.

Нет ответа.

– Алло! – в третий раз воскликнул он, уже более нервно.

Закапали тонкие гудки.

Валдаев сжал трубку, вздохнул и положил ее на аппарат.

Прикрыл глаза. Сердце колотилось. Внутри стало как-то холодно. Ох, как теребят душу ночные звонки. Будто кто-то вторгается в твою обитель.

Спать, спать... Валдаев обхватил подушку.

Растревоженный, он заснул только минут через сорок.

Дзинь...

Валдаев очнулся не сразу. Часы показывали четыре. Что же это делается?

На восьмой звонок он схватил трубку.

– Совесть есть, а?

И опять тянучее молчание.

И опять гудки.

Может, что-то все-таки замкнуло на линии? Если бы. Он ясно слышал чье-то дыхание. На душе стало гадко.

Четыре часа. Час быка. Час самоубийц. Самый тяжелый час в сутки. Ночь готовится отступить перед рассветом и выплескивает всю свою тоску на бодрствующие умы...

Сон испоганен. Его интимной приятственности как не бывало.

Валдаев, кряхтя, встал, отправился на кухню. Налил из фарфорового кувшина стакан кипяченой воды. С отвращением выпил – промочил немного горло. Закурил «Честерфильд». В пачке была последняя сигарета. С дымящейся сигаретой и пепельницей вернулся в комнату.

– Ну? – прошептал он как дурак телефону, думая, что тот зазвонит снова.

Но тот молчал.

Валдаев глубоко затянулся. Сигарета дрожала в пальцах.

Ночь была осквернена. Будто его выкинули из теплой избушки на пронизывающий ветер. Кажется, что за подобными звонками скрывается нечто гораздо худшее, чем чья-то ошибка.

Что некто с пустотой вместо лица протягивает свою холодную руку через провода в эту квартиру. И он, откуда-то с той, сумрачной, стороны бытия, имеет власть над его, Валдаева, страхами.

– Во дурак, – обозвал он себя и плюхнулся на диванчик, зарыл лицо в подушку.

Но сон объявил ему бойкот. Уговорить его удалось только под утро, когда ночная темень уже растворялась, как черный кофе, куда капнули сливок.

Когда Валдаев проснулся, в окно лились ласковые солнечные лучи. Они легко смывали все ночные страхи и сомнения. Ночь ушла. Сумеречная зона отступила.

Бритва со скрежетом поглощала щетину на щеках. Валдаев терпеть не мог сам процесс бритья. Ему не нравилось, как плавающие лезвия въедаются в щетину. Может, отрастить бороду?

– Морда, – вздохнув, прошептал он, глядя на свое отражение в зеркале в ванной.

Он давно утратил иллюзии по поводу собственной внешности и даже начал смиряться с ней. Лысина слишком рано отвоевала себе почти всю голову, и теперь на гладкой коже отражались солнечные лучи – зайчики можно пускать. В тридцать четыре года такое брюхо и такая лысина – это неприлично. А если бы бороду еще? С ней он вовсе станет похож на сельского батюшку.

По потолку пробежал отраженный солнечный блик. Стекло неторопливо ползущего по улице автомобиля поймало солнечный луч и бросило его на потолок.

Теплое апрельское утро. Понедельник. Начиналась новая неделя. Как всегда, суетная. И с привычной сумасшедшинкой. Обычная рабочая неделя корреспондента газеты для астрально продвинутых и космически повернутых «Запределье»...

* * *

– Во, получи, – главный редактор газеты «Запределье» Николай Николаевич Сомин двинул через свой редакторский полированный стол неряшливую толстую стопку писем.

– Это чего? – осведомился Валдаев.

– Редакционная почта, – с гордостью произнес главред. – На твою статью.

Писем было штук тридцать, что сегодня, при взлетевших почтовых расценках, общей апатии населения и прогрессирующем равнодушии к печатному и непечатному газетному слову, такая почта была уже событием.

– Это по интервью с «пантерой»? – спросил Валдаев, кинув беглый взгляд на первое письмо.

– С ней. Народ ждет продолжения, – главред взял лежащую на пепельнице дымящуюся курительную трубку и попытался ею.

– А надо? – спросил Валдаев.

– Чего насупился? Не хочется?

– Не хочется, – признался Валдаев, которому эта статья встала поперек горла.

– А придется... Интерес читателя надо подогревать. Читателя надо любить, – завел главный старую песенку.

– Но странную любовью, – брякнул Валдаев.

– Читатель голосует за нас рублем. – Сомин строго посмотрел на своего подчиненного, и тот сник под этим суровым взглядом старшего товарища по партии, в свое время насквозь видевшего тех, кто шагает не в ногу с основной линией.

Сомин был страшным занудой. Полжизни он провел на руководящих должностях в журналах «Агитатор и пропагандист», «Молодой коммунист». И привык свято чтить генеральную линию. Просто раньше линия такая была – ликовать по поводу увеличения поголовья крупного

рогатого скота и роста проката черных металлов. Теперь Сомина больше заботило увеличение в средней полосе России поголовья вампиров и ударный рост проката порнопродукции.

В журналистском деле Сомин ни бельмеса не понимал. Стиль имел казенный и суконный. Даже статьи о ведьминых шабашах и астральных агрессорах у него выходили скучные, что-то в них неуловимо напоминало передовицы в «Молодом коммунисте». Но он был начальником. Свято следовал принципу – «я начальник – ты дурак, и наоборот». И пер по жизни асфальтоукладчиком, не имея привычки сворачивать хоть на сантиметр и обращать внимание на пiski и стоны кого-то, кто случайно попал под каток или хрустнул в шестеренках...

– В общем, линию понимаешь, – хлопнул ладонью по столу Сомин. – Материал к утру должен быть.

– К утру?

– Завтра загоняем в набор. В четверг выйдет. Иди, работай, – главред пододвинул к себе красную папку и открыл, демонстрируя, что разговор закончен.

Валдаев открыл «дипломат», загреб рукой, как ножом бульдозера, письма и свалил их внутрь. В спокойной обстановке бегло просмотрит их. Понавыдергивает несколько цитат для следующего материала.

Он вышел в длинный, зелено-обшарпанно-тусклый коридор, беспорядочно перегороженный старыми шкафами и поломанными стульями, заваленный кипами нереализованных газет и книг. Здесь царил обманчивая и неизменная атмосфера начинающегося ремонта. Здание некогда принадлежало государственному издательству, которое успешно превратилось в товарищество с ограниченной ответственностью, после чего на радостях те самые «товарищи с ограниченной ответственностью» выперли большинство редакторов, сократили число выпускаемых книг до вопиюще мизерных цифр и стали жить припеваючи, сдавая помещения частным издательствам, газетам и просто фирмам. На этаже «Запруделье» занимало три кабинета.

В корреспондентской комнате уже царил Нонна – дородная дама с царской выправкой. От роду ей было лет сорок, хотя она никогда бы не призналась в этом. Сегодня на ней был пушистый желтый свитер, придававший еще больший объем ее телесам и делавший ее похожей на жирного птенца птицы Рух.

На груди сияла здоровенная бляха, напоминающая звезду шерифа. Преподаватель Московского института стали и сплавов, потом торговка гвоздиками и теперь титулованный экстрасенс, она подрабатывала по совместительству в «Запруделье», писала какие-то мракобесные статьи типа «влияние семян резеды и толченого мышиноного помета на половую активность человеческих самцов в июне и августе предвисокосных лет». Сейчас она трудилась над заказной статьей – что-то вроде производственного очерка о школе ведьминского мастерства.

– Здравствуй, – сказал Валдаев.

– Привет, – Нонна отвлеклась от компьютера. – Дай сигарету.

Валдаев нехотя полез за пачкой.

– Давай-давай, не жидись, – понукала Нонна.

Она всегда у кого-то что-то стреляла. У Валдаева – сигареты, поскольку знала, что он курит только «Честерфильд».

– Чего шеф от тебя хотел? – закурив, осведомилась она.

– Да про «пантеру» продолжение требует.

– Убогий материал, – бросила снисходительно Нонна. У нее большинство материалов были «убогие» – те, что не попадали под разряд «полное дерьмо». – И наврал, небось, в нем три короба.

– Не врал я ничего! – возмутился Валдаев.

– Рассказывай... А вообще жути ты там нагнал. Хвалю...

Она углубилась в свой текст. Пальцы ее с треском бегали по клавишам. Она будто бы сводила какие-то счета с клавиатурой. За год она угробила их три штуки.

Валдаев нехотя вынул из «дипломата» электронную записную книжку, в которой скопились сотни имен и телефонов, притом он уже и не помнил, где и когда встречался с большинством этих людей.

Так, на «С»... «Степанов». «Семена». «Секс-панорама». «Суки»... Что за Суки? Японец, что ли? Так и не вспомнив, Валдаев вдавил пальцем кнопку, пролистнул дальше... Вот.

«Сатанистка Наташа»... Надо звонить. Главред загорелся дурным энтузиазмом, а если он загорелся, то не отвяжется. Для него письма читателей – это больное место. Если хоть одно пришло – начинается.

Валдаев пододвинул к себе аппарат и начал нащелкивать номер. Двойка постоянно западала, так что пришлось перебирать несколько раз.

– Вот гадина, – раздраженно воскликнул Валдаев.

Наконец в трубке послышались длинные гудки.

«Ну, Наташа, хоть бы тебя не было», – молил он. Неохота ему было видеть эту даму во второй раз. Никак неохота.

Месяца полтора назад один из знакомых сказал, что познакомился с девчонкой, которая принадлежит к какой-то секте, и попросил:

– Напиши о них. Хочу сделать девочке на прощание приятное. Прославить, так сказать, в широких народных массах.

– Что за секта-то? – без энтузиазма осведомился Валдаев.

– Ну, – знакомый замялся. – Они сатанисты.

– Сатане служат?

– Ну.

– Дикость, – хмыкнул Валдаев.

– Да чего дикого? Просто бесятся по молодости. Но в газете поугубить народ можно...

Оказалось все именно так. Сатанисты были просто одуревшими от безделья, наркотиков, жаждущими острых ощущений пацанами и девчонками, которым до щенячьего визга нравится цеплять на грудь устрашающие амулеты и дружно балдеть от исполнения темных ритуалов. Это ведь не в Христовой церкви на службе стоять и слушать скучные проповеди, где только «не укради», «не прелюбодействуй» да «не жри наркотики». Сатанинская служба – это оргия, так что, если ты прыщавый юнец и на тебя девки не глядят и вообще ты себя стесняешься, айда – хоть на кладбище темной ночью, но с кем-нибудь что-то да получится. Да еще при луне! Романтика! Круто! Полный улет!

Сатанистка Наташа оказалась воспитательницей детского сада лет двадцати от роду, достаточно симпатичная и крепкая телом. Роста в ней было не меньше метра восьмидесяти, плечи она имела широкие, как у пловчихи. Она бойко ознакомила его с постулатом, что Сатана и Бог являются равноправными силами, а потому какая разница, кому служить. То есть она впала в альбигойскую ересь. Циничная, нахальная, напористая, она пугала в своей агрессии, как все младое племя.

Стены тесной однокомнатной квартиры украшали плакаты модных тяжелороковых групп. На двери в ванную висел плакат известного альбома под названием «Число зверя» рок-группы «Iron Maiden». На письменном столе стоял древний человеческий череп. На обоях в комнате был довольно мастерски нарисован тушью сидящий на троне козел с человеческим телом – сам дьявол.

Она долго и подробно рассказывала об оргиях на кладбище, притом в таких подробностях, что Валдаев краснел.

Тараторила она без умолку, как торговка на базаре, благо язык имела без костей. Нетрудно было понять, что в ее речи восемьдесят процентов – откровенное вранье. Ее невежество в религии и науке могло сравниться разве только с тем апломбом, с которым она рассуждала о вечных темах.

– Ну что, трахнемся, что ли? – лениво спросила она под конец, как спросили бы – не хочешь сигарету.

Пока он хлопал глазами и с ужасом осознал, что сейчас скажет «да», она вдруг пожала плечами и бросила свысока (и откуда только у женщин берутся такой тон – при общении с мужчинами – и такие колкие слова):

– Да ну тебя. Кажется, мужик ты никакой! Так что не беспокойся за свою невинность, зайчик.

Валдаеву хотелось отбрить ее небрежной острой фразой, вот только плохо, что все подобные фразы в таких случаях куда-то предательски прятались и отвечать было нечего, разве что базарить типа – сама коза.

– Можешь меня сфотографировать для своей газеты, – милостиво разрешила она.

– В каком виде? – набравшись наглости, осведомился он.

– Ну ты дурной, зайчик? Конечно, в каком надо.

Она с электрическим треском стянула с себя футболку и продемонстрировала свое роскошное тело с полными грудями, на правой красовалась татуировка, изображавшая пантеру.

Эта татуированная девичья грудь и была вынесена на первую полосу газеты.

– Только лицо не надо, – предупредила она.

– Твои родители против? – хмыкнул Валдаев.

– Мои-то ископаемые давно заткнулись. Вот родители детсадовских спиногрызов маляву накачают...

Валдаев надеялся не увидеть больше воспитательницу. Ему не хотелось возвращаться на места, где походя и небрежно роняли его достоинство. И вот это дурное задание.

Надежды не оправдались. Воспитательница сразу взяла трубку.

– Добрый день, Наташа. Это Валдаев из «Запределья»...

– А, лысенький, здорово.

Ему показалось, что она пьяна.

– Статья – класс «экстра»! – проворковала она. – Наши забалдели, зайчик.

– Как насчет продолжения? – решив не обращать внимания на ее несносный тон, спросил Валдаев.

– Ага, понравилось, значит.

– Понравилось.

– Ну так заходи.

– Когда?

– А когда хочешь. Я девушка свободная. Так что двигай до моей хаты хоть сейчас, лысенький.

– Двигаю, – недовольно буркнул он, оскорбленный этим пренебрежительным обращением и злой на себя, что не ответил достойно.

Он повесил трубку. И сердце тревожно екнуло. И дело даже не в том, что у него не было желания видеть эту нахалку. Какое-то нехорошее предчувствие укололо. Неприятно многообещающий был тон сатанистки. И было что-то еще, чему Валдаев не мог найти определение, но что вызывало легкую дрожь...

* * *

Станция метро «Таганская» уныло и методично заглатывала и выплевывала людей, готовясь к близящемуся часу пик.

Наташа жила в районе станции «Выхино». То есть в шести остановках по прямой линии. Валдаев привычно растворился в человеческом потоке, попал в ритм метро. Через двадцать минут он оказался в набитом людьми переходе на Выхино. Наверху прогремела электричка.

На площади все было обыденно – ларьки, динамики, оружие голосом Киркорова «Ой, мама, шика дам».

– Возьмите, – поношенная тетка вручила Валдаеву на выходе из метро бумажку, приглашающую на обучение китайскому языку за неделю. Малолетняя дивчина следом впихнула рекламу магазина дубленок. Валдаеву было неудобно обижать людей, и он всегда набирал полные руки бумажек, которые, впрочем, тут же транзитом отправлялись в мусорки.

Числовой замок в подъезде не работал. Оно и неудивительно – кто-то в порыве неудержимой злобы вырвал с мясом провода. Над подъездом вообще потрудились добросовестно. Наскальная живопись здесь процветала. С первого и, скорее всего, до последнего этажа стены были разрисованы и расписаны молодежной перепиской, преимущественно нецензурной, а также наркоманскими откровениями. Местами же вообще были подпалены. Пахло здесь отвратительно – нечистотами и болотом. Здесь и было болото. Валдаев ощутил, как у него заломило в висках от тошнотной дисгармонии окружающего мира. Ничего удивительного, что именно в таких болотах произрастают такие цветочки, как тот, к которому он сейчас направлялся.

Наташа открыла дверь. Она была в разрисованном драконами ярком халате до пят – явно китайского производства.

– Заходи, зайчик, – она втянула его за рукав. – Газеты со статьей принес?

– Принес пару.

– А то я зае...лась их покупать. Бабки небольшие, но свои. Я теперь безработная девушка.

– Как?

– Ты, котик, удружил.

– Это почему?

– Той фотографии спасибо. Родители спиногрызов телегу нацарапали, уроды радиоактивные. Коллективное письмо.

– Там же только грудь была. Как они определили?

– По груди один козел и определил, – она распахнула халат, продемонстрировав свою аппетитную грудь, ткнула в татуировку. – Запомнил, рожа...

– А... У тебя с ним...

– Ну и че? Все равно заложил, зараза. Брякнул, что ведьма за детьми ухаживает... А, плевать хотелось. Бабки там смешные.

– И как ты теперь? – Валдаеву стало неудобно. Его всегда удручало, когда результатом его статей становились чьи-то неприятности.

– Сейчас устраиваюсь. На крутые бабки. Не имей сто рублей, а имей тысячу.

– Куда устраиваешься?

– В офис.

– И кем?

– Котик, много хочешь знать... Ладно, чего надо-то?

– Вот, – он выудил из «дипломата» пачку писем. – Это про тебя.

– Возмущаются?

– Еще как.

– Уроды.

Взор у нее был какой-то остекленевший.

– Ладно, спрашивай, – она плюхнулась на кушетку, так что халат открыл ее длинные ноги. Отшвырнула тапочек сорокового размера.

Валдаев вытащил диктофон и блокнот. Он никогда не полагался только на диктофон или авторучку. Диктофоны имеют обыкновение чудить в самые ответственные моменты, а авторучка бегаёт по бумаге порой непозволительно медленно.

Он с полчаса терзал Наташу вопросами. Врала она не менее самозабвенно, чем раньше. Хотя, может, где-то говорила и правду.

– Ну ты меня уже затрахал вопросами, – она зевнула, потянулась так, что грудь вывалилась из выреза, бесстыдно притягивая глаза. – Травку хочешь? – кивнула она на пачку «Беломора».

– Марихуану?

– Ну не ромашку же.

– Нет, – с пугливой поспешностью воскликнул он.

– Ну и дурак, – она вдруг совершенно ясными глазами посмотрела на гостя, отыскала нужную сигарету и сунула себе в зубы. Пригнулась, зашарила ладонью по замусоренному полу. Нашупала желтую пластмассовую зажигалку. – Зайчик, забыла тебя предупредить в прошлый раз, – она замолчала, раскурила сигарету.

– О чем? – нетерпеливо спросил он.

– Ты плохо кончишь.

– Почему? – ему вдруг стало как-то прохладно от этих ее слов.

– Да так уж повелось. Все плохо кончают, кто пишет на эту тему.

– Что, убьют? – Он попытался вложить в эти слова заряд язвительности, но получилось это слабовато. Через тонкую оболочку насмешки слишком явственно проглядывал испуг, что не скрылось от собеседницы. Наташа улыбнулась понимающе.

– Зайчик, кому ты нужен?.. Просто на тебя ставят печать, – она плюнула на ладонь и шлепнула ею себя по голой коленке. – Вот так.

– Ты чего такое мелешь? – возмутился Валдаев.

– Сколько на Земле сапиенсов? Пять миллиардов на земле сапиенсов. Огромная вонючая куча. И ЕМУ не обязательно замечать каждую козьявку. Но коли кто вторгся в ЕГО владения, то...

– То что?

– Попадаешь в его реестр... В реестр Князя Тьмы, – сигарета погасла, и Наташа снова начала раскуривать ее. – Дрянь, а не трава!

– И что с этим реестром?

– Судьба взбрыкивает, как бешеная кобыла.

– Как взбрыкивает?

– Начинаются вроде не связанные друг с другом происшествия. На тебя ополчается весь живой и неживой мир. Происходят странные события. Появляются странные люди. И все хотят тебе зла, хотя и сами не знают почему. И ты ощущаешь, что жопа твоя уже дымит. И что в душе разлад. Все рушится. И крыша едет...

– А у тебя? – воскликнул зло Валдаев. – Уж такие, как ты, должны быть в его реестре.

– Должны. Только я присягнула ЕМУ на верность. Так что меня не слопают за чаем.

– Вздор.

– Во-во. Все так говорят, – она улыбнулась – недобро, многообещающе, затянулась дымом марихуаны. – Ну чего, трахнемся все-таки? Заслужил.

– Нет, – выдавил он.

– Ну как хочешь, – она прикрыла глаза.

Когда он вышел из ее квартиры, то прислонился на лестничной площадке к холодной, исписанной матерными словами стене. Ноги подрагивали. И была унижительная слабость в коленках.

«Все наперекосяк. И крыша едет... О Господи...»

* * *

Возвращался домой он от Наташи, привычно попав в ритм общественного транспорта. Та же толкотня, те же люди... Но что-то изменилось. Слова сатанистки наполнили все вокруг тревогой и неясностью.

А потом...

Потом он проехал свою станцию.

Что особенного? Он мог задуматься и проехать свою станцию. Мог углубиться в газету и проехать свою станцию. Мог не суметь выбраться из толпы и проехать свою станцию. Но... Тут было нечто иное. Он просто выпал из времени на пять минут. Куда они делись? Наверное, нигде. Просто они стерлись из памяти.

Валдаев никогда не имел оснований гордиться хорошей памятью. Но чтобы вот так, внезапно, исчезли минуты. И без какого-либо урона для самочувствия. Он готов был поверить в мистику.

Придя домой, долго не мог сосредоточиться. Тараканами лезли в голову дурацкие мысли, а в сердце змеями вползали дурные чувства. И где-то внутри мутно плескалось беспокойство.

Заставил себя усесться за ноутбук он только в десятом часу. И работа натужно поползла вперед, как «Запорожец», зажатый в заторе.

Статья о сатанистке обошла Валдаеву в половину ночи. Материал получился вполне читабельным. Конечно, главред чуть-чуть подувечит его. Есть такая неизлечимая болезнь – редакторский зуд, когда редактор считает нужным непременно что-то испортить и исковеркать в статье.

Утром он проснулся с тяжелой, чугуном груженной головой.

До одиннадцати часов пил кофе, в который отважился капнуть коньяку. А потом поплелся на работу.

– Ну и где тебя носит? – осведомился редактор, которого Валдаев оторвал от черкания материала Нонны.

– Статью творил, – зло отозвался Валдаев.

– И натворил?

– Ага, – Валдаев протянул главреду несколько листков с бледно отпечатанным на принтере текстом – картридж уже кончался, а новый купить было недосуг. Сомин взял статью привычным жестом – двумя пальцами, с плохо скрываемой брезгливостью, как берут грязное белье.

– Почитаем, – кивнул он, вытаскивая палаческий инструмент – свою любимую синюю капиллярную ручку. – Нет, ну кто так пишет, – ручка тут же проехала по странице, оставляя на ней уродливую линию.

Валдаев вздохнул. Фраза была удачная, забойная и украшала текст. Но спорить с главредом – занятие бессмысленное и вредное как для здоровья, так и для материала.

– Я в город, – поспешно сказал Валдаев. Наблюдать, как уродуют материал, было выше его сил. – А вечером в «Прогрессор».

– Давай-давай, – механически кивнул Сомин, уже погружившийся в свою работу и с довольным оскалом сосредоточившийся над текстом, как в инквизиторских застенках палач-энтузиаст сосредотачивается над телом пытаемой жертвы.

Валдаев пообедал в недорогом и вполне пристойном заведении из сети ресторанов «Елки-палки». Сидя в кафе, он за чашкой чая начал листать новую московскую криминальную газетенку. «Маньяк на тропе войны» назывался материал. Раз в два месяца в одно и то же число людям вырезают сердца, а трупы выбрасывают на московских окраинах. Бр-р. Мерзость.

Утка? Не похоже. Вроде есть ссылки на конкретные места и время, на сотрудников МВД и прокуратуры. Когда просто бессовестно врут, используются другие приемы.

«Через две недели будет новая жертва. Кто она? Ею может стать любой. Даже вы», – на такой «оптимистической» ноте заканчивалась статья.

Валдаев передернул плечами. Две последние жертвы нашли совсем недалеко от его дома.

«Маньяк с виду обычный человек. Он может даже не помнить о своих деяниях. Однажды включается непонятный механизм, и наружу вырывается из глубин человеческой души умело прятанный там кровавый зверь», – перечитал Валдаев абзац. Его, привыкшего употреблять самое неудобоваримое информационное варево, неожиданно эта картина тронула. Он представил, каково это – жить и не знать, что твой мозг делит с тобой какое-то хищное существо, да еще являющееся частью твоего Я.

– Гиены пера, – прошептал он и раздраженно скомкал газету.

* * *

Клуб «Прогрессор» ежемесячно заседал на пятнадцатом этаже серого, из стекла и бетона, высотного параллелепипеда с надписью: «Молодая гвардия» у метро «Дмитровская».

Клуб родился при журнале «Вокруг света» на заре перестройки, когда сняли табу с публикаций на тему об аномальных явлениях и оторопевшему народу вдруг сразу стало ясно, что он окружен полтергейстами, черными колдунами, белыми ведьмами и серыми человечками с планеты Трон. С тех пор эффект новизны темы неизбежно стерся временем. Но обывательский интерес продолжал тлеть. Поэтому газетный бизнес на аномальщине продолжал приносить издателям стабильный доход, а заодно подкармливать Валдаева и его собратьев по перу.

Заседания «Прогрессора» с годами собирали все меньше народу, так что теперь любителям аномальщины хватало одного просторного кабинета. А бывали аншлаги – собирался целый актовый зал, да еще в проходе люди стояли...

Валдаев немножко опоздал.

– Давай сюда, – прошептала Нонна.

Валдаев дивился на нее. Она умудрялась оказываться везде. Возникало ощущение, будто она выпущена с конвейера в нескольких экземплярах.

Он примостился рядом с ней, нацепив на себя маску ироничного стороннего наблюдателя. За длинным столом чинно сидели собравшиеся. В окно светило тяжелое закатное солнце, садящееся за серое нагромождение московских домов-коробок.

Набор присутствующих был стандартный. Несколько мужчин лет за пятьдесят о чем-то тихо перешептывались, что-то записывали, кивали в такт словам докладчика – это были ученые мужи, в большинстве увенчанные докторскими степенями и профессорскими званиями. Они искренне надеялись, что именно в области аномальщины науку ждет долгожданный прорыв к новым горизонтам. На другом конце стола кучковались ротозеи. Среди них был знакомый слесарь-сантехник, видевший в прошлом году летающую тарелку и клявшийся, что перед этим не пил ни грамма; три домохозяйки, пекущие астрологические прогнозы как блины. Еще было несколько ребят из московского уфологического клуба – обычные технари, честно и безуспешно пытающиеся разобраться в тайнах неизведанного... А это что за чудюдо? Напротив гордо восседала худощавая дама лет тридцати пяти – сорока в синем свитере, на ее груди тяжело висела толстая золотая цепочка с массивным золотым кулоном. Она снисходительно-загадочно улыбалась.

Доклад делал плюгавенький, лысый (к удовольствию Валдаева, которому не улыбалось быть единственным лысым в этом собрании), одетый в потертый коричневый костюм живчик. Его шею удавкой терзал галстук, и он все время пытался ослабить узел, но это никак не удава-

лось. Живчик был профессором-химиком. Гоняя для убедительности воздух руками, он твердил что-то о необходимости исследования экстрасенсорных эффектов в химии.

– Экстрасенсы говорят о том, что через них протекает биоэнергия, что они видят ауру. Ну почему, почему мы должны всему верить? Если мы хотим научного подхода, так подайте критерии истинности. Где они? В этом главная задача – найти критерии! – горячо восклицал он, пытаясь зарядить остальных своим неумным желанием отыскать – хоть под ногами, хоть на Луне – эти ускользающие критерии.

Кто-то соглашался, кто-то возражал, кто-то перебивал докладчика – публика на собраниях бывала заводная. Загадочная дама в свитере и в золоте молча заулыбалась еще более таинственно, считая, похоже, ниже своего достоинства вступать в дискуссию.

Потом пошли сообщения исследователей подмосковной аномальной зоны, где якобы НЛО шастают точно по расписанию, в отличие от рейсовых автобусов.

– Это все хорошо, но где критерии истинности ваших заявлений, – настойчиво встрял профессор-химик. – Где они?

Позже химик по тому же поводу сцепился с астрологами.

– Какие критерии? – возмутилась руководитель астрологической школы. – Астрология – древнейшая наука. Она вобрала в себя мудрость тысячелетий!

– Алхимия – тоже древнейшая наука, – буркнул профессор.

– И незаслуженно забытая! – стояла на своем астролог.

Теперь улыбка у дамы в свитере стала как у Джоконды – так улыбаются, когда ухватили саму истину истин за хвост. И эта улыбка все больше отдавала презрением – кажется, не столь к выступающим, сколь к человеческому роду в принципе.

Когда началась бурная дискуссия об оценке информации, получаемой контактерами, Валдаев начал строчить в блокноте. Здесь можно было что-то наскрести по неизменно интересующей народ теме – контактам с высшим разумом.

– Но где критерии истинности? – опять всколыхнулся профессор-химик.

И хай пошел по новому кругу.

Успокоились. Притихли. В тишине застучал мелок по грифельной доске, поползли из-под него длинные и непонятные формулы. Два бородача сцепились по поводу новой физической парадигмы. А химик все подзуживал их восклицаниями о критериях.

Дело близилось к концу, когда председательствующий объявил:

– Ну а сейчас небольшое выступление гражданки... – он запнулся, поглядев в свои записи. – Гражданки Пакиной.

Туманно улыбающаяся дама с высокомерием аристократки голубых кровей, случайно оказавшейся в придорожной пивной, кивнула и резво ринулась с места в карьер:

– Я – Королева Космоса. Меня избрали на Галактической конференции.

Пауза. Слегка ошарашенные присутствующие уставились на Королеву.

– Несколько лет назад Галактическая конференция вышла на контакт со мной, – продолжила дама. – Они убедились, что я наиболее продвинутый представитель земной цивилизации... Знаете, – вдруг беззаботно засмеялась она, – а в Космосе масса забавных вещей.

За последующие несколько минут Валдаев смог убедиться в этом. То, что людей завезли на Землю с других планет, он слышал не раз. Но что на этих самых планетах растет пшеница с зернами, формой и размерами напоминающими батоны за три двадцать, поэтому в память о своей прошлой звездной жизни люди батоны пекут именно такие, – это впечатляло.

Дальше – больше. Атлантиду инопланетяне утопили, потому что атланты их совсем не уважали. Весь космос кишит разумными созданиями, как кухня в привокзальной столовке рыжими тараканами. Плохие инопланетяне принесли землянам вино, водку и матерные слова. А хорошие – все остальное. Звездные братья по разуму готовы утопить в море и нас, как атлан-

тов. Но они готовы и дать нам знания, невероятные супертехнологии, естественно, через Королеву Космоса. Одна трудность – у нас нет ангаров для их космических кораблей.

– Вот таких ангаров, – Королева протянула председательствующему несколько мятых тетрадных листов, на которых были коряво нарисованы какие-то сооружения, напоминающие металлические склады для хранения армейского имущества. – Они стоят недорого. Десять миллионов долларов каждый – не больше. Нужны деньги. И быстрее!

– А почему быстрее?

– А то нас утопят...

– Ага, – озадаченно кивнул председательствующий.

На этот раз молчание затягивалось. Валдаеву вдруг стало стыдно, будто он сам нес всю эту околесицу. Люди вдруг начали присматриваться к своим соседям, будто боясь, не укусят ли те в раже. И тут вскочил химик.

– Это все, конечно, хорошо. Но где критерии истинности ваших заявлений?!

Все. Заседание превратилось в то, во что в конечном итоге превращались все без исключения заседания «Прогрессора», – в сумасшедший дом.

Закончились бдения в девять часов. Валдаев бросил диктофон в «дипломат», с удовлетворением отметив про себя, что записи на кассетах потянут статей эдак на пять. Даже Королева Космоса может пойти в дело – для какой-нибудь газетенки, в которой слово «репутация» считается труднопроизносимым и устаревшим.

Почти стемнело. Была та самая четкая, хрустальная, еще не до конца сформировавшаяся темень, когда все становится яснее – и звуки, и чувства. Валдаев и Нонна вышли из здания на улицу, жалко освещаемую слабыми, немощными фонарями. Он, как джентльмен, поддерживал женщину под руку, зная, что та плохо видит в темноте и вообще неважно ориентируется в пространстве – даром что экстрасенс.

Естественно, Нонна не заставила долго ждать и с готовностью споткнулась о рельс узкоколейки, едва не упав.

– Осторожнее! – воскликнул Валдаев, придерживая ее достаточно весомую фигуру.

– Ничего, ничего. – Нонна выпрямилась и качнулась, прижимаясь к нему, потом потребовала: – Дай сигарету.

Валдаев протянул ей пачку «Честерфильда» и осведомился:

– Как тебе сегодняшние посиделки?

– Самонадеянные люди, которые лезут в проблемы, в которых ничего не понимают.

– Это еще почему? – осведомился Валдаев.

– До них не доходит, что все вокруг нас – калейдоскоп отражений, – Нонна впадала в философию и, как обычно в таких случаях, начинала заговариваться.

– Объясни.

– Платона читай. Мы все – лишь отражения высшей реальности. Поэтому логику происходящего нам не познать. Мы видим лишь элементы, отражения. Мы пытаемся связать их сознанием, но оно не тот клей, которым можно склеить отражения.

– Умно.

– А то...

– Бред все это... Все бред, понимаешь. Зеленый бред.

– Слушай, Валера, ты мне что-то не нравишься сегодня. Ты какой-то разобранный, больше, чем обычно.

– Брось. Мне сегодня уже лапшу на уши вешали, что сам сатана на меня взор обратил.

– Ну-ка, ну-ка...

Валдаев в двух словах расписал ситуацию.

– А что, – кивнула Нонна. – Не такая уж и глупая у твоей сатанистки идея.

– И ты туда же, – неприязненно произнес Валдаев. – Ну и что мне теперь?

– Теперь? – Нонна задумалась, помолчала. – Жди событий, Валера.

* * *

– Осторожно, двери закрываются, – пропел из динамиков мелодичный голос.

Поезд тронулся. Начал набирать скорость и нырнул в темноту тоннеля. Внутри сложного, загадочного механизма московского метро опять что-то разладилось, и интервал между поездами растянулся аж до восьми минут, так что народу в вагон для этого времени набилось много.

Валдаев вздохнул, мысленно покраснел и уселся на сиденье, не по-джентльменски опередив женщину лет тридцати. Но так уж получается – ведь женщин в Москве несколько миллионов, а ноги всего две. И они гудят после того, как на этих самых двоих пришлось набегаться. И время поездки, если устроился на мягком сиденье, тянется куда быстрее, чем когда стоишь стоймя и о тебя бесцеремонно трутся чемоданами и частями тел. Особенно Валдаева раздражало, когда его обтирают и обтекают мягкие или жесткие тела попутчиков... Да, в метро быть джентльменом невозможно. Но совсем расстаться с джентльменскими предубеждениями Валдаев был не в силах. Поэтому установил для себя четкую градацию московских особей женского пола на две категории – тех, кому надо уступать место (это кому грянуло за пятьдесят или у кого на руках хнычущий ребенок), и тех, кто места не достоин, – все остальные. Надо только научиться полюбовно договариваться со своим стыдом. И учиться играть роли. Можно уткнуться носом в газету и делать вид, что не замечаешь пышущую здоровьем тетку с авоськами, чья поза – воплощенная укоризна. Можно прикрыть глаза и сделать вид, что ненароком задремал после того, как перетрудился на разгрузке вагонов. Можно просто насупиться и уставиться в одну точку, выражая всем видом – не подходи, укусит.

– Станция «Комсомольская», – проворковал голос из динамика.

Это площадь трех вокзалов. Здесь обычно выходит много народу...

Действительно, полвагона вымело вместе с дамой, коварно стоявшей напротив Валдаева. Освободились места и стало просторнее не только телу журналиста, но и его совести. И воздуху стало больше. Он не терпел толкотню и людей. Людей вообще развелось чересчур много.

Напротив Валдаева пышноволосяя, худая девушка с головой погрузилась в какую-то книжницу в мягкой обложке – похоже, один из романов серии «Испепеляющая страсть». На ее лице царило выражение заинтересованности и озадаченности. Валдаев невольно залюбовался ею. Нельзя сказать, что ее лицо было очень красивым, но оно было симпатичным, и, главное, было какое-то внутреннее очарование.

Валдаев любил глазеть в метро на девушек. А кто не любит? В Москве перебор красивых девушек. Но он со вздохом осознал простую истину – все они не его. И никогда его не будут. Он не из тех, кто знакомится в транспорте. Прекрасно знал, какое это жалкое зрелище – он в роли троллейбусного Казановы.

На коленях девушки была большая сумка с чем-то квадратным, похоже, со стопкой книг. Сидела она под надписью: «ест детей и инвалидов». Есть старая народная забава – стирать отдельные буквы на надписях на стеклах в вагонах «места для пассажиров с детьми и инвалидов» и «не прислоняться», чтобы получалось нечто якобы смешное. «Не слоняться», «не слоняя», «жир инвалидов» – и прочее в том же духе...

«Ну, посмотри на меня», – мысленно взмолился он.

Девушка, будто откликнувшись на этот беззвучный крик души, оторвала взор от книги. Огляделась. Столкнулась глазами с глазами Валдаева. И... слабая улыбка тронула ее губы.

Внутри у него будто что-то сладостно в ожидании запело. И тут же нота оборвалась, поскольку внутренний голос очень явственно произнес: «Дурак ты». Валдаев вздохнул и стыд-

ливо отвел взор. А когда снова посмотрел на девушку, она уже плыла по волнам чьей-то фантазии в океане страстей дамского романа.

Поезд вырвался из темноты тоннеля в царство света на станции «Курская». Девушка поднялась и шагнула к дверям.

Тут все и произошло. Случайности – они правят порядком вещей порой куда тверже, чем закономерности. Поезд тормознул. Дородная тетка с сумкой на колесах, пытаясь удержаться на ногах, резко качнулась. Сумка откатилась. Девушка споткнулась о нее, пролетела вперед и упала на пол. Глухо стукнулась о пол ее объемистая сумка, из нее вылетел тяжелый том «Литературных памятников». Девушка застонала.

Так как упала она совсем рядом с Валдаевым, тот устремился на помощь. Он подал руку и осведомился:

– Вы целы?

– Больно, – как-то обиженно произнесла девушка. Она начала привставать и вскрикнула, не-удачно оперевшись о большую ногу.

Он помог ей усесться на сиденье.

– У, корова раззявистая, – заворчала тетка с сумкой на колесиках, хотя из них двоих если кто и был коровой, то явно не это пострадавшее от несовершенства грубого материального мира воздушное существо.

– Осторожно, двери закрываются, – пропел из динамиков женский голос.

Двери закрылись, и поезд снова тронулся с места, продолжая свой круговой, бесконечный путь по кольцу.

– Ну что же это, – шмыгнула носом девушка. От боли на ее глазах выступили слезы. Она обхватила ногу. – Не сломала, а? – обратилась она к Валдаеву.

И тот пожалел, что окончил журфак, а не медицинский институт. Неплохо было бы сейчас, профессионально ощупав эту соблазнительную ногу, бросить: «Ничего особенного». И дать пару мудрых советов.

– Думаю, не сломали. – Он почувствовал, что краснеет. И поделаться с собой не мог ничего.

– Остановку проехала. – Она снова всхлипнула, достала платок и вытерла слезы.

Поезд отмахал очередной перегон.

Девушка попыталась подняться с сиденья. Валдаев поддержал ее под локоть, мысленно осудив себя за то, что в его голове отнюдь не добродетельные мысли о сострадании, а куда более игривые мыслишки. Она покачнулась. Скривилась от боли.

– Вам далеко ехать? – спросил Валдаев.

– До метро «Семеновская». – Девушка шмыгнула носом, и сердце Валдаева сдавило от нежной жалости.

– Давайте я вас провожу.

– Ну, если не затруднит, – неуверенно протянула она.

Если бы она сказала, что ей надо куда-нибудь в Митино, он бы сильно подумал, так ли уж нужно проявлять галантность. Но «Семеновская» – это совсем близко. Совсем не обременительно.

Он взял ее тяжелую, набитую увесистыми фолиантами сумку. Сумка была тяжелая, резала руку, и Валдаев с уважением подумал, что девушка вовсе не так хрупка, как казалось. Другой рукой он поддерживал девушку за локоть.

От метро нужно было ехать несколько остановок на автобусе – благо тот подошел быстро. Проблема была, чтобы помочь девушке забраться в салон, а потом выйти.

– Как ваша нога?

– Ничего, – тут она наступила на большую ногу и сдавленно вскрикнула.

– Больно? – с сочувствием спросил Валдаев.

– Ничего, выздоровлю. Одна нога длиннее другой будет, зато живая... Шучу.

- Я понимаю.
- Кстати, я Элла...
- Валера.
- Спасибо, Валера. Я не знаю, как бы добралась одна.
- Как вы столько книг тащили.
- «Литературные памятники». Средневековая классика. Подарок ко дню рождения.
- Ваш молодой человек обладает недурным вкусом.
- Уже не молодой... Это дядя подарил. Он немного заикливший на этих памятниках. С детства меня пичкал замшелыми печатными древностями.

Валдаев перехватил поудобнее сумку. На пальцах остались красные вмятины от ручки. Пройдет.

- Вот мой дом, – сказала Элла.

Дом был девятиэтажный, кирпичный, с продовольственным магазином внизу. Они поднялись на второй этаж. Остановились перед обшарпанной деревянной дверью.

- Вас, наверное, заждались, – сказал Валдаев.
- Некому. Живу одна... Ну, спасибо, – она протянула ему руку для рукопожатия.

Он кивнул, пожал ее неуверенно. Все, прекрасный образ возник и растаял. И не будет никакого продолжения. Будет только горечь несбывшейся надежды, будет тщеславная гордость от джентльменского поступка. Как должен вести себя не такой тюфяк, а полноценный самец? Брякнуть: «А вы не угостите мужчину чашечкой кофе?» Или выдать какую другую пошлость? А потом – жаркий поцелуй, приветливо распахнувшаяся мягкая постель... Нет, такую девушку подобным наскоком не возьмешь. Впрочем, когда он общался с женщинами, ему всегда начинало казаться, что именно с ней нахрапом не выйдет. И стыдливо отчаливал в сторону. Чтобы через некоторое время выяснить, что у кого-то другого все выходит, и именно нахрапом, просто, без проблем...

- Очень приятно было познакомиться, – сказала она.

И ему показалась, будто она ждет от него что-то еще.

- Элла, я могу позвонить и узнать, выжили вы?

– Ну конечно. – Она полезла в сумку, вытащила белую, с золотым тиснением визитку. – Остатки былой роскоши. Докризисной. Сделал шеф на работе нам визитки, а через неделю уволил.

- Возьмите мою, – в ответ он протянул свою визитку.

– О, журналист, – улыбнулась она, бегло взглянув на нее в слабом желтом свете лампы под потолком.

- Журналист.

– Ну, до встречи, журналист, – улыбнулась она и легонько коснулась пальцами его груди. От этого прикосновения сердце куда-то провалилось, а потом заколотилось, как перегретый мотор. Это был жест прощания... и обещания новых встреч...

Около автобусной остановки работал ларек. Около него ошивалась шумная компания подвыпивших злобных молокососов. Валдаеву стало неудобно от их оценивающих взглядов.

- Э, а закурить, – спросил один из шпанят, отделившийся от компании.

Валдаев похлопал по карманам, вытащил пачку «Честерфильда».

– У, круто, – причмокнул пацан, глядя на сигареты. – На всех, – сказал он, сграбастав штук пять сигарет. – Хорошие сигареты куришь, лысый...

Валдаев со вздохом подумал, что блюсти собственное достоинство в такой ситуации слишком дорого. Внутри было тошно. Он находился сейчас во власти настроения этой гоп-компании, которая могла отметелить его, убить.

Шпаненок залыбился криво, по-блатному, смачно схаркнул на асфальт и отчалил к своим. Что-то сказал им, они дружно уставились на Валдаева и опять-таки дружно заржали. Они будто были одним злобным существом, название которому шобла.

Светлое настроение Валдаева, сложная гамма чувств в его душе – все было моментально изгажено. Будто черную кляксу посадили на белоснежное полотно. Ну что же, отметил Валдаев, мерзость и грязь города созданы для того, чтобы губить чувства. Нужно относиться к этому философски... Нужно ко всему относиться философски...

С облегчением он увидел поворачивающийся автобус.

Поднялся на ступеньку. Перевел дух. Но отпечаток пакостности остался.

Ночные улицы... Родное метро... Родная улица... Родной подъезд... Все, дома. Еще один бег по минному полю, а точнее, по ночной Москве позади. Жив и ладно.

Он перевел дух и закрыл за собой тяжелую металлическую дверь.

Зашел в прихожую. Скинул туфли. Шагнул в большую комнату. Включил свет. И застыл как вкопанный.

Что его насторожило? Вроде бы все в порядке. Все как было. Но...

Запах. Неуловимый. Где-то приятный. И вместе с тем затхлый. Откуда он? Показалось?

Да нет, не показалось... И еще Валдаев ощутил чье-то постороннее присутствие. Кто-то здесь был...

* * *

Понедельник у Валдаева выдался сумасшедший. С утра два часа он дожидался гонорара в «Мегаполис-экспресс». Еще полдня общался с психованным исследователем Бермудского треугольника – как он его исследует, не выезжая из Москвы, было непонятно. Потом отправил два письма в Оренбургскую область: одно – матери, другое – родному брату, председателю колхоза (или как они ныне называются). Затем выстоял очередь в сберкассе, через которую переводил алименты на свое чадо – обожаемого Левоньку. Правда, обожать его давали больше на расстоянии.

Около сберкассы это и произошло...

Было все именно так, как пишут в книгах, – будто в замедленном кино. Валдаев видел надвигающуюся на него безжалостную, сверкающую никелем и полировкой темно-синюю массу и понимал, что не успевает сделать ничего. Он сам попал в этот замедленный кинофильм и двигался тоже медленно. Зато мысли текли быстро. Сколько он их успел передумать за эти секунды?

Мир вдруг стал необычайно четким. Казалось, воздух наполнен электричеством, в нем было плотно упаковано напряжение. Картинка была ясная, яркая и воспринималась отстраненно. В ней был он сам,двигающийся по проезжей части. Была в ней и мчащаяся на всех парах «БМВ». Мелькнул мимолетный образ – иномарка похожа на крылатую ракету, нашедшую свою цель. И эта цель – он. Никому не мешающий в жизни, тихий журналист желтой газеты «Запрудель».

Всколыхнулась обида от несправедливости всего происходящего. Почему он? За что? Что он сделал такого, чтобы эта синяя торпеда смяла его в лепешку?

Он ощущал себя жалким и беззащитным. Ему казалось, что он лягушка, разложенная на столе для физиологических опытов, над которой невидимый экспериментатор занес скальпель. Скальпель вот только необычной формы – синяя машина марки «БМВ».

Вся Вселенная сжалась сейчас в этой точке. Все будущее, настоящее и прошлое схлопнулось здесь, на кусочке потрескавшегося грязного асфальта.

Один краткий миг, которого могло и не быть, шагни он на проезжую часть, когда включился светофор, секундой позже. Тогда «БМВ», вырвавшийся на всех парах из-за троллейбуса,

как сверхскоростной поезд, промчался бы мимо, ударив потоком воздуха. Ан нет. Этот жалкий миг, один в бесконечной череде вот таких мгновений, вдруг оказался решающим. И его уже не поворотить назад...

Застыли льдом звуки. Обрушилась тишина. И в этой тишине шла к нему торжественно смерть, чтобы извлечь душу из раздавленного тела и отправить ее... куда?..

Звуки вернулись. Они ударили по ушам – многоголосье большого города, рев моторов, звон проехавшего трамвая. Звуки обрушились водопадом.

Потом был удар...

Нет, это был не удар, а просто резкий толчок воздуха. Воздушная пробка, вытолкнутая разогнавшимся локомотивом.

Да, смерть владела мигом, в котором схлопнулись прошлое и будущее. А жизнь владела двумя-тремя сантиметрами. Именно эти сантиметры отделили Валдаева от гибели. Ему казалось, что роскошный борт машины черкнул по его куртке.

Водитель слегка вывернул руль. Он успел это сделать. Надал еще газу. И «БМВ» мягко и стремительно унесся вдаль.

– Совсем чур потеряли! – крикнула вслед машине пожилая женщина. – Чтоб у тебя колеса отвалились.

– Бандиты натуральные, – поддакнул кто-то. – Им что по бетону, что по людям ездить!

Валдаева тронули за рукав.

– Как вы? – услышал он.

– Я? – тупо произнес он. Голос был чужой, будто не его. – Все нормально... Да, нормально...

Небольшая заминка в размеренном течении городской жизни. И опять все вошло в свою колею – текли потоки машин и пешеходов, мигали светофоры. Человеку кажется, что он что-то представляет в нем. А он лишь – часть потока: то ли пешеходного, то ли автомобильного...

Валдаев прислонился спиной к пыльной коробке светофора.

Ребро железяки впилося ему в спину, но он, казалось, не замечал этого. Для пешеходов включился красный. И тут же новые протекторы стали трамбовать то место, где сейчас должно было бы валяться окровавленное тело. Его, Валдаева, тело.

Он шевельнул рукой. Не верилось, что, если бы не чудо, это была бы рука трупа, и ею невозможно было бы шевельнуть. Все было бы чужое. Эта плоть была бы мертвой покинутой плотью.

Валдаев так и простоял минуты три. Внутри у него было пусто. Не было даже страшно. Просто было какое-то отупение. Его будто снаружи и изнутри выложили ватой. И даже холод и дрожь отступили.

Он осторожно шагнул прямо на белую полосу, обозначающую переход. В том, чтобы пройти именно по этим белым полоскам, он видел сейчас какой-то скрытый смысл. Ему это казалось важным – последствия шока.

Добравшись до квартиры, он, не раздеваясь, повалился на постель и уткнулся лицом в подушку.

Пролежал где-то с час. За окном уже темнело. Вата, окутавшая его тело, растворялась. И приходило понимание того, в какую пропасть он сегодня едва не рухнул.

Опять и опять вспыхивала перед глазами яркая, будто сочно отпечатанная на кодаковской фотобумаге картинка – участок дороги, по которой он должен был быть размазан. Сверкающая никелем и полировкой торпеда. За тонированными стеклами нельзя было ничего рассмотреть. Человек за рулем был инкогнито. Тенью. И это роднило его с тем таинственным абонентом, который звонил ночью по телефону. Водитель – будто пришелец с того света.

Да нет. Какой такой пришелец. Обычный «новый русский» или короткостриженный питер-кантроп с золотой цепью на груди, пистолетом за поясом. Одно из тех загадочных, наполнен-

ных изначальным злом существ, с которыми Валдаеву и иными ему подобными приходилось делить город, как антилопа делит саванну с львами и шакалами.

Валдаев с горечью подумал – а переехала бы его «БМВ», так убийца навряд ли бы и пострадал. Откупился бы, отбрехался бы. И вряд ли бы сильно переживал – им это как раздавить клопа.

Он присел на диване. Щека его была мокрая от слез.

Конечно, нельзя так распускать нюни. Но поделаться он ничего с собой не мог. Ему было страшно жалко себя в этом мире.

«Едешь ли в поезде, в автомобиле
Или гуляешь, хлебнувши винца.
При современном машинном обилии
Трудно по жизни дойти до конца».

В памяти всплыли эти строчки из Высоцкого. Валдаев слабо улыбнулся, в очередной раз убедившись, что у великого барда есть строчки на любой случай жизни. Стало немного легче.

Проснулся телефон. Валдаев сперва решил не брать трубку. Но потом хлопнул себя ладонью по щеке, возвращая к реальности. Протянул руку, нажал на кнопку громкоговорителя и отрывисто произнес:

- Аллю!
- Ух, какой резкий, – донеслось из микрофона. Голос был женский.
- Это кто?
- Зайчик, – укоризненно произнесла она.
- Чего тебе? – грубо осведомился Валдаев.
- Ты сегодня такой крутой. Чего, пивной ларек грабанул?
- Ты чего несешь?
- Зайчик, я в разоре. Пятнадцать целковых отслонявила за три номера твоего драного «Запределья» с твоей статьей!
- И как статья?
- Чума, зайчик. Молодец! Наши в экстазе...
- Я за них рад.
- Красиво все написано.
- Красиво врать журналисту не запретишь, – усмехнулся он. – Пускай твои приятели погордятся, что их такими крутыми считают...
- Зайчик, ты сегодня без соли гадюку съел?
- Гадюку? Меня чуть не сшибла машина какого-то идиота!
- Что, правда?
- Правда! Правда! – вдруг закричал он. – И звонки ночные – тоже правда! И что кошелек у меня украли – тоже правда! Все как сговорились...

Действительно, вчера в толкучке ему вспорили куртку – прямо на груди. Деньги не ахти какие, но куртку жалко. Да и противно – сил нет. Город опять прикоснулся к нему грязными лапами. А теперь эта машина.

- Во, а я что говорила, – обрадовалась Наташа. – Она! Черная полоса. На тебе ЕГО печать.
- Князя Тьмы?
- Ну так.
- Наташа, чего ты меня грузишь? – не слишком уверенно возразил Валдаев.
- Котик, это будет продолжаться...
- Рассказывай.
- Лысенский, смирись, что это каюк...

– Ну чего ты мелешь?

– Я тебя спасу. Тебе один путь – к нам...

– На дискотеки ходить, по кладбищу голышом бегать и стены исписывать матерными словами?

– Понимаешь, зайчик, сатанизм – это пирамида. Пирамида – это общий принцип любой приличной организации. Внизу низовые ячейки. Чем ты выше, тем у тебя больше уровень посвящения.

– Ага. И ты в самом низу.

– Ну, в общем... Но я стремлюсь выше.

– Все! Мне надо спать! Я завтра работаю!

– Ладно, ладно. Я тебе еще позвоню. Скоро тебе такой материальчик дам в твое «Запределье» вонючее, что тебе Нобелевскую премию отстегнут не глядя.

– За журналистику Нобелевку не дают.

– Жалко... Пока, зайчик. Смотри, чтобы крыша не съехала. Когда ОН обращает взор, крыша точно едет.

Он хлопнул по кнопке телефона.

Как ни странно, разговор, как бы тягостен он ни был, немножко встряхнул его. Страх отступил. На его место пришло ощущение глубочайшего одиночества. Валдаев вдруг посмотрел на себя со стороны. Маленький человек, затерявшийся в одной из каменных пещер гигантского дома. Ему стало зябко, хотя в квартире было тепло.

Взгляд упал на телефон. Валдаев вздохнул. И решился на то, на что не мог решиться все несколько дней. Встал, подошел к столу. Взял лежащую на видном месте белую, тисненную золотом визитную карточку.

Рука, нащелкивавшая номер, вдруг стала плохо слушаться. Он подумал, что опять будет выглядеть идиотом. Будет опять у него тонкий, как у семерокозлятного волка после наковальни, голос. Будет путаться в словах.

Прочь сомнения!

На пятый гудок он почти с облегчением подумал, что ее нет дома. Но тут щелкнуло. Мелодичный голос произнес:

– Да, я вас слушаю.

Он набрал в грудь побольше воздуха, будто собираясь нырять на глубину, и выпустил часть его в виде двух слов:

– Здравствуйте, Элла.

Слова эти дались ему ох как нелегко.

– Добрый вечер. А кто это?

– Валерий.

– Валерий?

– Да. Помните, помог вам добраться до дома, когда вы были ранены.

Он прижмурился, испугавшись, что она скажет что-то типа: «не помню», или «и что дальше», или что-то холодно-вежливое в стремлении отделаться побыстрее.

Но она доброжелательно произнесла:

– Помню. Мой спаситель.

– Сильно сказано.

– Вы мне очень помогли.

– Элла, – вдруг горячо произнес он. – Я сегодня чуть не погиб. Я один в пустой холодной, – тут он невольно приукрасил, – квартире.

Она молчала. Он на миг смутился, потом как в воду прыгнул:

– Мне бы хотелось увидеть вас.

– Сейчас? – удивилась она.

– Нет, конечно... Когда захотите.

Она ничего не ответила.

– Извините, Элла, за бестактность. Простите, я... – Он начал оправдываться, умом понимая, что нет ничего более жалкого, чем оправдывающийся человек, но поделаться с собой ничего не мог.

– Завтра, – оборвала она его бляенье. – Если можно, после пяти. Раньше я занята.

– Когда и где скажете.

Она назначила место встречи.

– Спасибо, Элла, – произнес он.

Когда уже повесил трубку, сидел, смотря на аппарат. А ведь действительно жизнь полосата. Черные и белые полосы. Черные и белые...

Гнать надо в три шеи вечную неуверенность! Завтра он будет умен, весел, предупредителен... Ох, как ему хотелось верить, что будет все именно так.

* * *

На площади, как всегда, было полно народу. Конечная станция длиннющей ветки метро. Сюда съезжаются люди с обширных, разрастающихся с каждым днем окрестных микрорайонов. Все куда-то спешат, куда-то стремятся. У всех свои дела, своя жизнь. Но так угодно кому-то наверху, чтобы в этот момент именно эти люди собрались именно здесь, на площади, перед стеклянным зданием метро, мазнули друг друга ничего не замечающими взорами, потолкались и разбрелись.

Толпа стирает индивидуальные черты. Валдаеву иногда люди московского часа пик казались бильярдными шарами. А сам город – огромным бильярдным полем, только покрытым не зеленым сукном, а серым асфальтом, по которому кто-то забавы ради катает миллионы этих шариков. Шарик со стуком сталкиваются между собой на этом грязно-сером поле, некоторые счастливо попадают в свои лузы, некоторые катаются так, бесцельно, неизвестно куда и зачем. А иные разбиваются. На этом сером бильярдном поле сегодня так легко разбиться.

Уже в пяти метрах от автобусной остановки людей начинали цеплять лохотронщики – местные завсегдатаи, прирожденные мошенники, прорабы беспроектной лотереи.

– Сыграйте, не пожалеете, – вцепился ему в рукав уркаганского вида детина, протягивая бумажку.

– Нет, спасибо, – как ошпаренный Валдаев рванулся в сторону, будто боясь, что детина не отпустит его.

– Припадочный фраер, – пожал тот плечами и устремился снова в толпу. Тут же зацепил какую-то женщину, и теперь за содержимое ее сумки можно не беспокоиться – все деньги оттуда переключают в карманы лохотронщиков.

Валдаев вздохнул. Его задевали подобные маленькие трагикомедии. Он ощутил, как начинают дрожать руки, и засунул их поглубже в карманы легкой ветровки.

– Осторожнее можно?

– Простите, не видел...

– Чего встал, как столб...

– Посторонись, – слышалось вокруг.

Звуки улицы для Валдаева вдруг резко, будто сдвинулся в голове переключатель, стали посторонними и забарабанили градом по пустой черепушке.

Валдаев встряхнул резко головой, прогоняя неприятное ощущение. Он непроизвольно замедлил шаг и встал на пути у десятков «человекошариков», катящих ко входу в метро.

– Куда лезешь, дурило? – крикнул бородач, торгующий газетами, на чей лоток толкнули Валдаева так, что новенький покетбук «Горячее тело» упал на асфальт.

– Виноват, – Валдаев поднял покетбук, отряхнул его и положил на место.

Он встряхнулся, возвращая себе ясность мысли, и бодро устремился к дверям метро, которые, как сток в ванной, затягивали человеческую массу и пускали ее по бесконечным подземным коммуникациям.

Теперь главное отдаться во власть потока. Все на автомате. Опыт выживания в метро у москвича формируется с младых лет. Метро – это поле боя... Бросить в аппарат жетон. Проходя через турникет внутренне напрячься – а вдруг железяка не сработает и прищемит что не положено. Потом – эскалатор. Его лента напоминает конвейер, подающий детали для дальнейшей обработки.

Платформа. Кто же не знает, что в час пик интервал – минута. Если больше – значит, на путях непорядок.

Вагон. Тут каждый закуток знаком, отстоян, отсижен, обтерт. Ты прекрасно знаешь, что на одном сиденье размещаются шесть человек. Если меньше – значит, кто-то слишком толстый или слишком наглый, что не хочет ужаться. Враг. Таких все остальные мимоходом ненавидят. В метро надо ужиматься. Метро – особый мир. Плотно упакованный. Мир несмертельных человеческих трудностей. У кого-то оттягивает руку тяжелая сумка. Кто-то вспотел. У кого-то першит в горле, и он кашляет. А в углу – свободное пространство. Там обосновался бомж. Это право московского бомжа – сидеть в одиночестве почти на пустой скамейке в час пик. Запах – их билет на проезд в первом классе.

Пересадка на кольцевую линию. Желанная для многих станция. Вагон утрамбовывал в себя на семи предыдущих станциях человекомассу, чтобы здесь разом извергнуть ее из своего брюха.

Валдаев в брошенной в едином порыве толпе рвется на перрон. Кого-то обтекает, кого-то прижимает. Ну, старикашка с клюкой, чего застыл? В душе вспыхивает раздражение, когда не попадающего в общий поток и не отвечающего общему ритму хочется отодвинуть в сторону, отпихнуть. В метро все всегда стремятся вперед. И человекозатычка, тот, кто не успевает вовремя поворачиваться, – кто он? Враг.

Кольцевая линия. Опять вагон. Опять вечный бой – за места. Два вьетнамца плюхаются на мягкое вожденное коричневое сиденье прямо перед кашляющей перекошенной старушкой. Может, это и китайцы. Говорят, желтолицые к старшим почтение испытывают. Нет, эти не из тех, кто кого-то уважает. Эти из тех, кто собак едят. Враги! В метро полно мимоходных врагов...

Вот и нужная остановка. Толпа опять стискивает Валдаева. Выносит на перрон. Сумкой под ребра, чем-то острым – под колено. Ух, тоже враги. Кто же с таким саквояжем в час пик едет? Саквояж занимает места, как три человека.

Все, родная «Таганская».

– Извините, вы выходите? – спрашивает Валдаев.

* * *

В кабинете Сомина собрались четверо коррес-пондентов, замредактора и ответственный секретарь. Все эти люди помимо «Запределья» выпускали еще пару дайджестов.

Главред проводил производственное совещание. Точнее – редакционную летучку. Это – святое. Школа «Молодого коммуниста».

– Ближе к читателю надо быть, – опять долдонил в своей привычной манере главред. – И приврать для красного словца не грех.

– Врать всегда грешно, – хмыкнул ответственный секретарь – молодой, нахальный, очкастый и острый на язык. Даже Солин с ним особо не связывался – где сядешь, там и слезешь.

Больше главный оттачивал зубы на Валдаеве, но тот не обижался. У него судьба такая – на нем всегда точили зубы все, кому не лень.

– И вот еще. Положение финансовое тяжелое, – давил главный. – Но я вижу, в последнее время корреспонденты сбавляют темп начали. Нет соревновательного момента.

– Передовое Красное знамя, – поддакнул ответсек.

– Неплохо было бы, – строго нахмурился главред. – В старой системе много полезного было. И доска почета не помешала бы.

– И гонорар, – поддакнул Валдаев, наступая на большую мозоль.

– Ну что за меркантильность такая? – укоризненно покачал головой главред. – Помню, раньше мы за копейки работали, а о долларах и не слышали. Но горды были профессией – доносить до людей правду жизни. Это почетно, кстати.

– Правду об астральных насильниках, – кивнул Валдаев.

Иногда на него нападало желание погрызаться.

– В общем, больше сдавать материалов, – шеф не обратил внимания на выпад.

– Только что пачку сдал, – напомнил Валдаев о материалах из «Прогрессора».

– Читал, – вздохнул бывший «молодой коммунист». – Вяловато, знаешь ли. Доклады ученых сухарей, узкоспециальные споры... Вот про Королеву Космоса свежо. Оригинально. Читателю интересно.

– Батюшки, – застонал Валдаев.

– Надо бы с ней интервью сделать, – задумчиво произнес главред.

– С Королевой?! Вы серьезно?

– А я когда шутил?

– Да уж, – согласился Валдаев...

Часы в тот день ползли медленно. Вредность есть такая у времени. Когда ты его торопишь, оно ползет медленно. Когда же хочешь задержать мгновение, оно пролетает со свистом, как пуля.

Почти весь рабочий день Валдаев проторчал на работе. Делал звонки по телефону, вычитывал материалы. Редактировал письма читателей типа «Моя бабка была колдуньей, а дед – упырем». Но голова была занята совершенно другим. Голова была занята Эллой.

Но вот наконец час приблизился. При определении места встречи они были не оригинальны. В четверть шестого у памятника Пушкину.

У выхода из метро он купил цветы и выбрал позицию недалеко от знаменитого как в культурных, так и в противоположных кругах памятника. Рядом скучающе слонялись московские проститутки, с тоской глядя на катящиеся по Тверской машины. Когда авто тормозили, девахи оживлялись.

Еще больше девиц было напротив, у «Макдоналдса» – вместе с бригадиршами и быками, охраняющими их покой. Раньше у памятника кишмя кишели панки, металлисты, голубые, но в последнее время они куда-то подевались.

– Не меня ждешь, мальчик? – подвалила одна из дам легкого поведения к Валдаеву.

– Нет, не похожа, – буркнул он.

– Ну, если твоя сучка продинамит, заходи.

Элла не продинамила. Она появилась минута в минуту.

– Это вам, – протянул он ей цветы.

– Очень романтично, – сказала она и взяла его под локоть.

* * *

Валдаев никогда не был любителем кабаков и баров. Для него ощутимо в их дымной сигаретной атмосфере сгушались грубая агрессия и похотливые устремления. Он не любил

кабацкую публику – довольных собой и жизнью здоровяков с золотыми цепями, белокурых кукол в мини-юбках. Правда, он не прочь был отведать хороший обед в ресторане и нередко позволял себе это – денег аномальная тематика на это пока давала.

Но не гулять же с дамой по реставрируемым московским улочкам и не кормить ее эскимо. Поэтому он сразу предложил ей зарулить в ближайший бар. И она с готовностью согласилась.

Что было в тот вечер? Подробности не слишком долго задержались в его памяти – что они заказывали в баре, какая музыка там звучала. Но зато он прекрасно помнил слова, которые говорил ей. Он даже помнил свои мысли и мог пройти по следам своих тогдашних душевных порывов.

С ней сразу все пошло легко. Не так часто Валдаев встречал людей, при общении с которыми он не терялся, не краснел, не изнывал от необходимости острить, вести умную беседу. В общем, людей, с которыми можно хорошо поговорить, а то и помолчать.

Они быстро и просто, без брудершафтов и прочих пошлостей, перешли на «ты». Через полчаса ему казалось, что Эллу он знает давным-давно. И как-то естественно, само собой, за бокалом легкого итальянского вина получилось то, что Валдаев так обожал, – душевное человеческое общение. Это большая роскошь в наше время – выкладывать про себя что-то твое личное в надежде на то, что это интересно собеседнику, в надежде на понимание, а то и на сочувствие. Это опасная тропа. Здесь слишком близка пропасть конфуза. Здесь по пятам идет вечный страх людей склада Валдаева – показаться дураком и слюнявым ничтожеством.

Элла была подкупающе искренна. И вместе с тем напориста. Она хотела знать все о собеседнике. Она относилась к людям, которые обожают ставить точки над «i», любят расставлять акценты. Поэтому разговор с ней немножко походил на допрос.

– Сам из Москвы? – спросила она.

– Если бы. Из глубинки. В Москву еще в детстве сослан. У бабушки жить.

– И бабушка?

– Она умерла.

– Извини... А что закончил?

– МГУ.

– А я медицинский. – Элла отхлебнула коктейль и поудобнее устроилась на мягком стуле, провела наманикюренным ногтем по расплескавшейся на полировке стола жидкости – получилась едва видимая прямая линия. – Три года назад.

– Ты больше на студентку похожа.

– Льстишь. Я уже старая дева, – улыбнулась она. – Знаешь, грезил клятвой Гиппократ. Врачебные подвиги манили. Это кому надо?

– Кому-то надо.

– Никому ничего не надо, – она махнула рукой. – Работала в поликлинике. Деньги – сам понимаешь какие. Вспомнила, что владею английским без словаря. И компьютером. Устроилась в фирму. Повезло мне сильно.

– Денег много платили?

– Не в этом счастье... Шеф голубой попался.

– И...

– Не понимаешь? Ему девочки не нужны были. Так что я еще могла побыть романтической барышней. Пока фирма не сгорела.

– А сейчас?

– Подрабатываю в одной клинике... А ты, значит, журналист.

– Он самый.

– Криминальная эротика?

– Инопланетные новости. Вести с фронтов борьбы с барабашками. Сообщения с передовых шабашей.

– Понятно. Шизуха.

– Верно. Как мой шеф говорит, шизуха, порнуха и чернуха – три кита современной журналистики.

– И что – с детства писал об этом?

– Нет. До тарелок в одной крупной газете был обозревателем по детскому воспитанию и по моральным проблемам семьи.

– Специалист?

– Да какой специалист? Ни шиша не понимал я в этих семейных проблемах. И в воспитании. Знаешь, моими статьями зачитывались старые ведьмы и молодые вертихвостки. Я получал пачки писем от них, некоторые были исповедальные. Сперва отвечал, потом плюнул, зная, что от любимца публики до ее врага – один шаг.

– А теперь пишут?

– Еще как. Большею частью шизофреники, общающиеся с Сириусом посредством пейджера.

– В общем, жизнь у тебя содержательная, – улыбнулась Элла.

– Да вообще не жалуюсь, – он смутился, поняв, что опять начинает говорить лишнее.

– Ты не женат. Живешь в пустой квартире. Обожаешь порядок, – перечисляла Элла. –

Правильно?

– Правильно.

– Разведен?

– Разведен, – вздохнул Валдаев.

– Жена убежала с «новым русским», прихватив дочку.

– Почти. Только не дочку, а сына. Что, на лице написано?

– Написано, – засмеялась она.

Он отвел глаза, внутренне зажавшись, но она положила свою узкую ладонь на его мягкую, давно не знавшую физической работы и редко державшую что-то тяжелее, чем авторучка, руку.

– Не обижайся, – от ее улыбки теперь исходило тепло. – Я не люблю боровов на «фордах».

Это нестандартно?

– Действительно.

– Надо идти против толпы. Хотя бы в душе...

В общем и целом вечер удался на славу. Они засиделись в баре. Потом шли по ночному, сверкающему огнями элитных магазинов столичному центру. В этом сверкании было что-то от сияния дорогих елочных игрушек. И Валдаев ощущал, будто вместе с Эллой оказался внутри такой игрушки – необычайно сложной, наполненной звуками, людьми. В городе сейчас не ощущалось обычной его враждебности. И настроение в этот прекрасный, теплый вечер у Валдаева было несвойственно ему приподнятое и вместе с тем привычно мечтательное. И внутри жило ожидание чуда.

Но чуда не произошло.

– Спасибо за прекрасный вечер, – улыбнулась Элла у дверей ее квартиры.

– Спасибо и тебе, – он замялся. В нем была надежда, что она скажет – заходи.

Но она сказала еще раз:

– Спасибо, Валера, – а потом добавила: – До свидания.

Он мысленно обругал себя болваном и набрал воздуха, чтобы попроситься на кофе. Но не попросился. Его воля теперь походила на муху, попавшую в клей. Эта воля трепыхнулась, пытаясь воспарить из этого клея неуверенности к вершинам наглости, где все можно, где живут сила и самоуверенность и где просто и беззаботно овладевают женским расположением. Но его вновь ржавыми кандалами сковала мысль, которая посещала его обычно: с такой девушкой так не поступают.

– Мы еще увидимся, – мягко произнесла Элла и провела ладонью по его щеке, от чего сердце подпрыгнуло в его груди. – Как-нибудь, когда буду посвободнее, – добавила она, и было ясно – сказано для того, чтобы показать: ловить, мальчик, тебе нечего.

– Да, обязательно, – сбиваясь, произнес он. – Да... Я позвоню.

Дверь захлопнулась, сразу отрезав его от праздника.

Он вздохнул и сбежал по лестнице вниз.

Ладно, ничего, без особого успеха успокаивал он себя. Главное, это был его вечер. Ему было хорошо. И не беда, что не было продолжения. Наоборот, постельная вторая серия все бы испортила. Перешагнув через эту грань, он бы сразу, как бывало не раз, утонул бы в тине взаимоотношений, взаимопетензий, постепенно связь стала бы тягостной. Элла сказала – еще увидимся. Вежливо, тактично, таким тоном, который говорит о бессмысленности нового свидания. Ну и ладно. Он сказал – позвоню. И знал, что не позвонит. Ему не хочется слышать, как на той стороне провода зевают и вежливо что-то отвечают. Нет, проехали. Элла была еще одним прекрасным силуэтом, мелькнувшим за окном мчащейся в неизвестном направлении по сумеречной дороге машины его судьбы. Силуэт, скрывшийся за поворотом. Лучше забыть, отбросить...

Забыть? Он знал, что воспоминания об этом вечере будут остро болеть еще не одну неделю. Да еще периодически станут напоминать о себе, долго-долго, постепенно затухая.

Добираться на метро в этот поздний час у него не было ни сил, ни желания. Он поймал такси. Машина высадила его недалеко от дома.

Накрапывал мелкий дождик. Апрель в этом году выдался дождливым.

Валдаев наподдал ногой пустую банку из-под пепси-колы и неторопливо пошел в направлении собственного дома. Идти было метров сто.

Тут его чуть не сшиб вылетевший из-за поворота от улицы синий «Форд». Машина тормознула, обрызгала Валдаева водой из лужи. Водитель – бычешей детина с раздавленным носом и лицом, выражающим злую целеустремленность, – приспустил стекло и рыкнул:

– Куда прешь, хрен лысый?

– Я, кстати, по своему двору иду, – полуоправдательно-полувозмущенно произнес Валдаев.

– Кого, кого ты на хер послал?

– Да брось ханурика, – сказал второй «добрый молодец» – размерами похлипче, с длинным носом и чубом, падающим чуть ли не на глаза. – Доходяга сам сдохнет.

– Живи, падла, – бычешей надал газу.

Валдаев перевел дыхание. Его опять опустили на землю. Показали, что все его внутренние переживания и терзания – далеко не весь мир. А весь мир – это если бы его отвозили сейчас по асфальту и переломали ребра тяжелыми башмаками стоимостью двести баксов. Если бы его отделали просто так, по прихоти двоих из сонма непостижимой нежити, с которыми он вынужден делить город.

– Твари, – прошептал он, пытаясь нормализовать дыхание.

И тут внутри все обмерло. Его огорошила мысль – много стало таких вот типов и ситуаций. «ОН обратил на тебя внимание», – вспомнил Валдаев слова сатанистки. Нет, чушь все это!

– Чушь! – воскликнул он, самого себя пытаясь убедить в этом.

* * *

– Да будете вы прокляты до третьего колена! Да падет на вас ненависть всепрощающего Господа нашего!

Абонент на том конце провода тараторил пулеметом, понимая, что долго его слушать не будут. Свой злобный, отчаянный задор он должен был успеть выплеснуть на голову собеседника.

– Да изъедят вас язвы и...

Дослушивать Валдаев не стал. Бросил трубку. Натянуто улыбнулся.

– Чего там? – спросила Нонна.

– Да вот, прокляли нас, – пожал он плечами.

– Кто еще?

– Голубые братья.

– Это чья статья? Сергеева?

– Сергеева. Не нравится им, как он их описал. Его бы и проклинали, маньяки религиозные. Я при чем?

– Не бойся. Это не смертельно, – успокоила Нонна. – Но неприятно. Энергетический удар.

– И что?

– А ничего, – отмахнулась Нонна. – Три дня попринимаешь контрастный душ. И все как рукой снимет.

– А если не снимет?

– Тогда придешь ко мне. Я тебе за пару сеансов все сниму. Кроме одежды, конечно, – улыбнулась она.

В кабинет зашел ответственный секретарь.

– Во, мужики и леди, новая газета. Еще типографской краской пахнет, – он с тяжелым стуком бросил на стол пачку газет. Это запас для архива, раздачи авторам и гостям. – Смотри, как тебя подали, – гордо кинул он Валдаеву.

Тот взял газету и оторопел.

На первой полосе был коллаж – фотография красотки, то ли манекенщицы, то ли голливудской актриски, ее голову украшала шапка Мономаха, нога опиралась на земной шар. И аршинными буквами было написано: «Я знаю рецепт решения всех земных проблем», – утверждает Королева Космоса.

Валдаев открыл газету на материале о Королеве Космоса – той самой, которая на заседании «Прогрессора» убеждала немедленно строить ангары для инопланетян и несла околесицу о зернах размером с булку. Статья распухла раза в полтора благодаря стараниям главного редактора. Всю иронию, весь сарказм, которые вложил Валдаев в материал, как волной смыло. Зато нанесло тяжелую, как печать райкома КПСС, категоричность, основательность, директивность. Выходило, что Королева Космоса настоящая. Весь маразм про ангары исчез, зато появились безумные призывы обратить внимание на предлагаемые новейшие технологические решения, способные привести истерзанную кризисом страну к процветанию. Получилась чудовищная ахинея.

Пока Валдаев, скапливая ядовитую слюну, читал статью, главный редактор появился собственной персоной. В новом костюме, движения неторопливые. В руке – дымящаяся трубка.

– Ну как, материал читаешь? – осведомился он.

– Уже прочитал, – буркнул автор.

– Доволен?

– Нормально.

– Материальчик-то жидковатенький был. Пришлось поработать с ним. Основательно поработать.

– Спасибо, – в это слово Валдаев попытался вложить долю иронии.

– Надо чутче к слову относиться, – сел Сомин на любимого конька. – Грамотешки-то у тебя, Валдаев, не хватает. Ох не хватает.

Валдаев стиснул зубы. В нем поднималась волна раздражения. Ему вдруг неудержимо захотелось закатить сцену, разобрать, как именно главред «облагородил» материал. И у кого грамотешки не хватает... А еще захотелось сделать что-то эдакое – например, шархануть компьютером о пол или кинуть в Сомина «дипломатом». Будто какая-то волна толкала Валдаева к действию...

Он замер, с ужасом понимая, что действительно только что способен был на что-то подобное.

Он покрылся на миг потом. Каково это – когда в тебе рвется наружу другой человек?! Какой человек? Может, монстр?

Валдаев закусил губу. В голове просветлело. Ох, да черт с ним, с материалом! Все равно вышел не под его фамилией, а под псевдонимом.

– Нас тут голубые братья проклинали, – переведя дух, с деланным спокойствием произнес он.

– Какие братья? – живо заинтересовался Сомин.

Валдаев рассказал.

– В следующий номер отпор им – строк на сто. И понаглее. Побесцеремоннее! – шеф прищелкнул пальцами.

– Сделаем, – вздохнул Валдаев.

– Читают нас люди. Авторитетом пользуемся. Даже звонят, – удовлетворенно закончил шеф. – Кстати, о сатанистке твоей опять письма пошли. По-думай, может, еще как-то закрутить там, – он сделал замысловатое движение рукой с дымящейся трубкой.

– Как закрутить?

– Придумай что-то, – довольно заулыбался шеф, будто сообщая интимный секрет.

– Врать неприлично.

– Мы же живем в виртуальном мире, – встрял ответственный секретарь. – Все давно уже перестали понимать, где вранье, а где правда.

– Во-во, – поддержал главред. – Так что не бойся.

– Не буду, – произнес Валдаев.

Главред затыкнулся из трубки, пустил дым и отбыл из кабинета. Не ушел, а отбыл – плавно, как пассажирский лайнер на волнах.

– Фактурный мужик, – негромко произнесла ему вслед Нонна.

– Да уж, – с отвращением произнес Валдаев.

– Одно плохо – мудака полный...

Нонна в выражениях никогда не стеснялась.

– Ладно, я поехал. Нужно гонорары собрать у конкурентов, – сказал Валдаев.

И отправился в путешествие по Москве за деньгами. За последние дни у него вышли две статьи в разных газетах, да еще за старые публикации обещали гонорар.

Добрался он до своего района часов в шесть вечера. Задумавшись о превратностях судьбы, он подходил к подъезду, и вдруг – резкий удар в спину. Валдаев покачнулся и быстро обернулся...

* * *

– У, нервный стал, – насмешливо произнесла она, потирая ладонь.

– Ты откуда? – Валдаев перевел дух.

– Из лесу, вестимо, – сказала сатанистка. – Тебя жду.

– Где ты мой адрес взяла?

– В редакции сказали. Главный редактор.

– Во дурак.

– Ты что, зайчик, не рад? – Наташа прижалась к нему грудью. – Пригласил бы даму в дом.
– Уж тебя не пригласишь... Пошли.

Он провел ее в свою квартиру, кляня себя за слабоволие.

Нужно было дать ей от ворот поворот, но, как всегда, он не умел никогда ни отказывать, ни гнать к чертям, когда это было надо. Такие люди созданы, чтобы на их шее с удобством, комфортабельно, со вкусом ездить.

Наташа по-хозяйски, с ногами устроилась в любимом кресле Валдаева и осведомилась:

– Чай, кофе?

– Это ты предлагаешь? – спросил Валдаев, сдерживая раздражение.

– Спрашиваю, что ты мне предложишь.

– А что ты хочешь?

– Травки.

– Не, ну ты вообще...

– Ага, – довольно захохотала она. – У тебя жарко.

Она стянула свитер, под которым ничего не было.

– За свою невинность не опасаюсь. Ты, зайчик, импотент.

Он опешил, не нашелся что ответить. Она, зевнув, потянулась, от чего груди заходили весьма соблазнительно, и велела:

– Тащи чай.

Валдаев нахмурился, опять хотел кинуть что-нибудь уничижительное. Но лишь отправился заваривать чай, раздумывая, что есть в комнате такого, что может по простоте душевной стянуть Наташа. Вроде, кроме ноутбука и дискет с материалами, ничего ценного, что можно легко унести с собой, нет. Он вообще не терпел ценных вещей.

Он заварил в заварном чайнике ароматный английский чай с запахом жасмина. Заварку поставил на поднос вместе с чайником «Мулинэкс». Извлек из холодильника варенье и печенье.

Наташа нежилась в кресле, так и не подумав натянуть свитер. Валдаев поставил поднос на столик у кресла. Разлил чай по чашкам.

– Да, – кивнула Наташа, беря чашку. – Чай жидок. Зато хозяин русский.

– Сама придумала?

– Поговорка, лысенький. Поговорка... Вообще, ты правда русский?

– Правда.

– Из Москвы?

– В Оренбургской области родился.

– Лимитчик, – всплеснула сатанистка руками. – Отпад!

– Я с двенадцати лет в Москве, – вдруг обиделся на лимитчика Валдаев и с досадой подумал, что втягивается в идиотский разговор, начинает опять оправдываться. Он зло осведомился: – Тебе, вообще, чего надо?

– Пришла права заявить.

– Чего?

– Ты теперь за меня отвечаешь?

– Это еще что за новости?

– А то... Ославил меня на весь свет. Может, меня убьют теперь.

– Ты же сама напросилась! – возмутился он.

– А я по недомыслию, может. По наивности. Я девочка глупенькая, – прошептала она, подавшись к нему, встряхнув грудями, которые невольно приковывали взор Валдаева.

– Ты чего, серьезно?

– Насчет наивности?

– Насчет того, что убьют.

– Шучу... А может, и серьезно... Может, куда серьезнее, – она вдруг судорожно перевела дух. – Знаешь, как это бывает... Острый нож...

Она пригнулась к нему и провела острым ногтем – не больно, но чувствительно – по его шее.

– Такой красивый разрез. Главное, сделать умело. Тогда жертва не пикнет. И можно даже не забрызгаться, зайчик. Главное, уметь. Отсюда и досюда, – она снова повела ногтем от его уха, но он оттолкнул ее.

– Это все, что ты мне хотела сказать?

– Не все... А ты представляешь нож в своей руке, зайчик, который режет беззащитную шею от уха до уха?

– Не представляю!

– А зря. Мне кажется, ты способен. У тебя вот здесь, – она постучала себя по лбу с костяным звуком, – такие тараканы водятся... Мне кажется, ты еще сам себя плохо знаешь.

– Уж лучше, чем ты.

– Вопрос, – она покачала головой, неожиданно опять подалась вперед и прижалась к нему грудью.

И он ощутил, что теряет контроль над собой. Рука легла на эту грудь, губы встретились с ее губами. Он притянул ее к себе. Сжал сильнее в объятиях. Ее язык как жало скользнул в его рот. Голова у него закружилась. И все закружилось. В сердце загорелся пламень.

Она резко оттолкнула его от себя.

– Лысенький, теперь я вижу, ты не импотент.

Он ничего не ответил, переводя дух.

– Ты просто неудачник, – она натянула свитер так, что тот электрически затрещал. Поднялась легко, по-спортивному. Чмокнула его в лоб – он и не двинулся, будто был статуей. – Пока, зайчик.

Хлопнула дверь.

– Вот... – он запнулся, так и не подобрав ей достойного определения.

Он провел дрожащей рукой по щеке. Встал, прошелся по комнате... А пепельницу гостя все-таки сперла. Хорошая пепельница. Он ее стащил из отеля в Голландии...

* * *

– Валдаев. Я не могу дозвониться тебе уже три дня.

– Плохо звонишь.

– Все у тебя не как у людей, – это пошли упреки.

Два года как развелись. А Лена все звонит и осыпает его упреками. И дело не в том, что она искренне верит в них. Просто ей нужно осыпать кого-то упреками, а на ее нового благоверного особо не наедешь. А вампирить, подпитываться от кого-то энергией надо – так уж Лена устроена. Ей все равно, как присасываться – по телефону, с глазу ли на глаз. После каждого такого разговора Валдаев чувствовал себя опустошенным.

Лена стала пилить его с первых дней замужества. Точнее, еще до такового. Ох, как быстро и профессионально она опутала его. Тогда он работал в центральной газете. Его имя примелькалось. Все говорили – Валдаев талантливый журналист, у него есть будущее. И клюнула, студентка. Окрутила. Стала жить с ним поживать да биоэнергию попивать. Кроме биоэнергии она не прочь была выпить и коньячок, и «Мартини», притом к бутылке прикладывалась все чаще и тогда вообще становилась невозможной. Иногда она загуливала с мужчинами, при этом не особенно и таясь. Он все ей прощал, она ему не прощала ничего. И пилила-пилила. Иногда он пробовал огрызаться, получалось это беспомощно. Он слово – ему десять. И тогда оставалось

только принимать позу оскорбленного достоинства, да испытывать жалость к себе, да медленно сползать в страшноватую, но вместе с тем сладостно-истомную депрессию.

Так Лена и довела бы его до дурдома, но, на счастье, она выкопала откуда-то неразговорчивого, небритого, тупого, крутого и самоуверенного типа, зашибающего деньги на растаможивании грузов. Тот почему-то считает, что правит семьей, хотя на деле Лена вьет из него веревки. Вот только вампирить от него у нее не очень получается. Туша огромная, мозг с пяточок. Такую нервную систему динозавра на дурачка не возьмешь. Ребенка Лена забрала себе, не без оснований заявив: «Ты не знаешь, что с самим собой делать, не то что с Левонькой». И была по-своему права. Теперь Левонька весь прилизанный, умненький, чистенький, с компьютером «Пентиум-300» и набором игр к нему, с диснеевскими мультиками в размере тридцати кассет, а на пальце – золотой перстень, и слоняется он между двумя папами.

Валдаеву это было досадно, но не более того. Он все чаще задумывался, что способен жить только для себя, точнее, выживать, да и то не очень умело. По большому счету он не способен отвечать ни за кого, даже за себя...

– Валдаев, ты небось зарос грязью в одиночестве, – продолжала Лена топтаться на больных мозолях.

Почему-то она считала, что он обязательно зарастет грязью, хотя у него всегда был идеальный порядок. В прошлом порядок этот она непонятно почему считала исключительно своей заслугой.

– Ты обо мне заботишься, как родная мама.

– А кто о тебе еще позаботится? Небось опять обострение гастрита. Ешь всякую дрянь.

– Нет у меня обострения, – зло произнес он.

– Ага, – удовлетворенно произнесла Лена. Она привычно почувствовала, что он выходит из себя. – Эх, Валдаев, нашел бы ты себе какую-нибудь бабенку попроще. Чтобы готовила тебе котлетки диетические и рубашки стирала.

– Обязательно.

– Тяжело тебе, конечно, найти будет...

– Дальше я уже слышал. Ты одна такая дура нашлась, которая со мной больше двух дней смогла прожить. Я твою молодость погубил... Ничего, зато старость у тебя началась обеспеченная.

– Нахал, – возмутилась Лена.

Конечно, он передержал. Старость в двадцать семь годков – это сильно сказано.

– Ладно, у меня времени нет, – резко произнес Валдаев. – Что хотела сказать?

– Узнать, как...

– Узнала. Я тороплюсь.

– Это куда?

– У меня тут оргия.

– Ха. Кому другому расскажи, Валдаев.

– Расскажу... Пока.

Он положил трубку.

Настроение Лена умела портить отменно.

Сон не шел. Валдаев устроился на кухне. Там он пил чай без сахара, окуная в него немецкое печенье, которое моментом впитывало влагу и размягчалось. Нужно было не пропустить момент, когда печенье начнет распадаться на куски и плавать в чае, – занятие это было в какой-то мере увлекательное.

Разделавшись с чаем, он вернулся в темную комнату, где светили зеленью часы. Ноль пятьдесят. А сна все ни в одном глазу.

Он вздохнул, встал, подошел к окну.

Внизу мокрой шкурой, в которой отражались мертвецки белые фонари, уходила задавленная коробками родная улица Нади Улиевич. Кто такая эта Улиевич – Валдаев так и не удосужился узнать за свою жизнь, хотя, поговаривают, где-то висела доска с описаниями принесенной этой самой Надей пользы Отечеству. В бурное, отмеченное веселым безумием недавнее время, в разгар переименований, улицу хотели обозвать как встарь, когда здесь был подмосковный городишко, – Старая Грязнокопытинская, но чего-то у реформаторов не вышло.

– Одиннадцать, – вслух произнес он, пересчитав стоявшие на стоянке у «Бизона» машины.

Это уже вошло в привычку – каждый вечер считать количество шикарных автомашин около снискавшего всемосковскую дурную славу стриптиз-кафе «Черный бизон». В кафе этом кишела какая-то своя, загадочная жизнь. Она пугала Валдаева, как и многое из того, что происходит вокруг.

– Спать, спать, – прошептал он.

В ванной он тщательно почистил зубы. Сглотнул таблетку снотворного – иногда баловался. Снотворное было дорогое, немецкое, спасало от набрасывающейся на неделю-другую бессонницы.

Ему снилось, как он идет по веревке над какой-то грядой. Присмотревшись, понял, что гряда – из стеклянных рам. Ему было неприятно. Он всегда боялся высоты.

Один шаг. Другой. Ему очень нужно было дойти до конца.

Он сделал неверный шаг и рухнул вниз. Последнее, что он ощутил, как его тело болезненно впивается в рамы. И как лопается, разлетается, звенит стекло.

Очнулся он мигом. И понял, что куда-то летит. Но это было уже наяву.

Он больно ударился о пол. Его прижало к ковру. Хрустнуло что-то – это были заведенные за спину руки.

В комнате была полутьма. И тут резанул по глазам зажегшийся свет.

Он скосил глаз и увидел над собой склонившегося негра!

– Лежи, гад! – прикрикнул негр и так вдавил колено в спину Валдаева, что у того что-то хрустнуло там.

– Не убивайте, – жалобно выдал Валдаев, голова которого начала проясняться и все существо стало наполняться ужасом. – Прошу вас...

– Посмотрим, как вести себя будешь, – сказали с другой стороны.

Сильные руки вздернули Валдаева и поставили на ноги...

* * *

Валдаев встряхнул головой. Наконец все происходящее сложилось в определенную картину. Негр оказался не негром, а здоровенным детиной в маске с прорезями для глаз и для рта. В руке он держал большой черный пистолет. И одет был в черный комбез. Рядом возвышался почти такой же шкаф, только габаритами чуть меньше. А перед Валдаевым, прищуренно смотря на него, стоял невысокий сухощавый мужчина в милицейской форме. Погоны у него были майорские.

– Что происходит? – воскликнул Валдаев.

– Где он? – зычно, как взбесившийся павиан, заорал майор, схватив Валдаева за плечо. Пальцы у него были крепкие.

От этого крика у Валдаева душа упала в пятки. Он слабым голосом спросил:

– Кто?

– Коля Турок!

– Какой Турок? – опешил Валдаев. Вокруг царил тугой абсурд. Не так удивительно было бы увидеть летающую тарелку и гуманоидов. Те хоть понятно, что на Земле делают. Но что эти люди делали в его квартире – это в голове не укладывалось.

– Который двоих баб и мужика завалил в лесополосе давеча, – произнес с угрозой майор.

– Как завалил? – не понял Валдаев.

– А так. Бритвой по горлышку... Дуру-то не гони!

– Я ничего не знаю!

Детина в черном комбезе вопросительно посмотрел на майора – мол, отоварить нахала по первое число или подождать?

В квартире появился еще один оперативник – тощий, долговязый, в дешевом сером костюме, висевшем на нем как на вешалке, и кроссовках.

– Ну что, не говорит? – спросил он у майора, с плотоядным интересом рассматривая Валдаева.

– Молчит, – сказал майор.

Они вышли в соседнюю комнату. Валдаев, обладавший чутким слухом, слышал их голоса.

– Черт, куда же Турок делся? – нервно восклицал длинный. – Он в этот подъезд зашел.

– Точно в эту квартиру? – спрашивал майор.

– Вроде бы...

– Тебе все хиханьки. Вспомни, как на Ленинградском квартиру перепутали. Еще раз – не приведи Господи.

– Да нет, товарищ майор, все в порядке тут...

Валдаева провели в маленькую комнату, используемую как кабинет. Усадили на стул. Майор уселся за стол, открыл папку. Положил на стол бланк объяснения.

«А самый главный сел за стол,
Вздыхнул осатанело.
И что-то на меня завел,
Похожее на дело».

Эти слова из песни Высоцкого зазвучали в мозгу Валдаева. В этой песне были еще слова:

«И прямо с головы до пят
По телу ужас плелся...»

Все точно. Поэт будто мысленно побывал на месте Валдаева.

– Итак, где Коля Турок? – резко бросил в лицо майор.

– Я не знаю! – виновато произнес Валдаев.

Тем временем незваные гости быстро обыскали квартиру. Они что-то упорно искали.

Стекла двери и окна, ведущие на балкон, были разбиты. Как Валдаев понял – брали его с чердака, спустившись по страховочным тросам, как в кино. Похоже, штурмующие его тихую обитель действительно искренне верили, что это логово злодея и вооруженный Коля Турок, прирезавший трех человек, прячется именно здесь. От неожиданных гостей исходила непоколебимая уверенность в себе, в своих силах и в своей правоте.

Валдаев продолжал погружаться в туман ирреальности происходящего. Его терзали вопросами. Майор и длинный оперативник были напористы, как селевой поток. А майор плюс ко всему был искушен в разных психологических трюках и все пытался загнать допрашиваемого в ловушку.

Время шло, и Валдаев начал осваиваться в новой реальности, свалившейся на него.

– Я журналист. Меня вся Россия знает. А вы... – Он даже начал наглеть, впрочем, не теряя осознания, что выглядит это довольно жалко. Но ему до боли хотелось сохранить хотя бы остатки собственного достоинства.

– А ты статью напиши, – гыкнул верзила в черном комбинезоне. Он наконец стянул маску и с аппетитом грыз печенье – то самое, немецкое, которое хорошо размякает в чае. Его он взял на кухне.

– Надо бы...

– Слышал анекдот – не будешь писать, мы тебе руки переломаем, – довольно усмехнулся верзила. – Как же журналисты любят с блатарями общаться, а...

– Да. Вон, Циркуля помнишь, – хмыкнул майор. – На него целая стая борзописцев работала.

– Э, журналист, а лучше шлюхой или журналистом быть? – спросил верзила.

– Ладно, остынь, – велел майор.

И допрос пошел по очередному кругу. Вопрос за вопросом. Когда Валдаев познакомился с Турком? Что знает о деятельности ореховских братков – Паши, Урода и Кургузого?

А потом произошел внешне ничем не вызванный перелом. Майор покучнел.

– Ладно, – сказал он, поднимаясь с кресла. – Извините за беспокойство. Возможно, мы ошиблись. Ремонт мы оплатим, – произнес он таким тоном, что Валдаеву вдруг страшно захотелось вставить стекла за свой счет.

– Я сам вставлю, – поспешно произнес Валдаев.

– Ну как хотите, – майор расстегнул папку, вытащил оттуда бумагу. В бумаге надо было расписаться, что претензий нет.

Валдаев поставил свою размашистую заливчатую закорючку.

– До свидания, – майор спрятал бумагу обратно в папку. – Заметьте, не прощаюсь навсегда. Только до свидания. Чувствую, нам еще встречаться.

– Сомневаюсь.

– Вы не так просты, Валерий Васильевич. Интуиция майора Кучера никогда не подводит.

«Чтоб ты сдох вместе со своей хваленной интуицией, майор Кучер», – подумал Валдаев с бессильной злостью.

* * *

Валдаев проснулся окончательно в первом часу. Он то выныривал из сна, то с удовольствием погружался в него обратно. Ему не хотелось просыпаться окончательно. В полудреме было уютно и тепло. Но стоит проснуться, как хищно набросятся воспоминания, они бесцеремонно ворвутся в сознание и будут терзать его, как клещами. Но просыпаться все-таки пришлось.

Он был вымотан, разбит. Нехотя поднялся, заварил крепкий кофе и выпил большую чашку. Кофе он признавал только в зернах. Скрепя сердце молот их в электрической кофемолке, хотя по всем правилам кофе надо молоть ручную. Электрокофемолка пережигает зерна.

Он сидел, тупо отхлебывая горячий напиток. Ночное происшествие казалось ему сейчас виденным когда-то фильмом. Ему даже иногда казалось, что это плод разыгравшегося воображения. Но хруст разбитого стекла под подошвой быстро приводил в чувство.

Есть не хотелось. Он сварил себе вторую чашку кофе.

Хорошо, что на сегодня не запланировано никаких дел. Он был не в состоянии куда-то идти. С другой стороны, и в квартире он ощущал себя не лучшим образом. «Моя квартира – моя крепость» – этот тезис все больше затирался. Какая уж тут крепость, если сюда шастают все, кому не лень?

Наконец, очухавшись, дозвонился до РЭУ, выяснил, что стекольщика ему ждать долго. Поэтому по газете «Экстра-М» обзвонил пару фирм. Брала там дорого, зато были готовы приехать хоть сейчас. Он сделал заказ. Они появились через час – деловитые, назойливо вежливые и, главное, трезвые работяги. Все обмерили. Еще через полтора часа притащили стекла. Установили их. Получили деньги. Оставили визитку, предложив обращаться еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.